

Валерий Лобков

Воительница Ольга

КНИГА ТРЕТЬЯ

Валерий Лобков

Воительница Ольга. Книга третья

«Издательские решения»

Лобков В.

Воительница Ольга. Книга третья / В. Лобков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969664-9

Еще не успели высохнуть слезы на щеках вдов, матерей и детей, пролитые по своим мужьям, сыновьям и отцам, погибших в битве при защите Ивельского княжества на реке — Матушке Ратыни. А над славянскими землями нависла новая черная туча: в степных краях объявились никому неведомые несметные орды кочевых племен. Пришли они с востока, и в голове у них стоит Хан по имени Кадыр. Перед славянскими народами только два выхода: либо победить врага, либо исчезнуть с лица земли. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-969664-9

© Лобков В.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ПРОЛОГ	6
1	8
2	13
3	17
4	21
5	25
6	29
7	33
8	37
9	41
10	45
11	49
12	53
13	57
14	61
15	64
16	68
17	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Воительница Ольга

Книга третья

Валерий Лобков

© Валерий Лобков, 2019

ISBN 978-5-4496-9664-9 (т. 3)

ISBN 978-5-4496-9665-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

ПРОЛОГ

– А ты знаешь, Артур, мне кажется, что тебя можно поздравить с успехом! Твой доклад понравился всему ученому совету комитета научной безопасности. Я, исподволь, наблюдал за аудиторией и могу с полной уверенностью это утверждать.

Даже Председатель и Командор, несколько раз удовлетворительно кивали головами, после твоих выводов. Особенно, когда выяснилось, что они, частично, подтверждают недавнюю гипотезу, которую выдвинул Академик Вахрушев. А насколько я осведомлен, несмотря на то, что я последние четыре года отсутствовал на Земле, Председатель и Командор принимали самое активное участие в сборе всяческих доказательств, подтверждающих гипотезу Вахрушева! – Кабинет, в котором происходил этот разговор, был довольно внушительных размеров. В нем находилось два человека. Один, мужчина солидного возраста, с густыми, убреленными сединой волосами до плеч, стоял возле открытого настежь окна с запотевшим стаканом тоника в руке. Другой, моложавый, сидел в глубоком, мягком кресле перед низким, изящным столиком, собранного из блестящих металлических конструкций. На столешнице, вырезанной из цельного кристалла горного хрусталя, одиноко стояла чашка остывшего кофе. Именно он отзывался на имя – Артур. Оба были одеты в легкие, светлые костюмы.

Седоволосый сделал приличный глоток терпкого напитка и поставил бокал на подоконник:

– Но вот в чем я, к сожалению, должен тебе признаться, Артур, что мне совершенно непонятно, как малолетняя дочь, трагически погибших Игоря и Светланы Стриженовых – десять лет оставалась вне контроля отдела временных перемещений? – Артур откинулся на спинку кресла:

– Я тоже сожалею, Мастер, что не смогу внести ясность, в произошедшие много лет назад события. Разбирательства, инициированные комитетом безопасности шесть лет ранее – результатов не дали. Причина гибели временной капсулы, как и отсутствие именного, поискового браслета на руке их дочери – так и осталось тайной.

Я Вам напомним, что долгое время, отдел временных перемещений считал, что в той, непонятной катастрофе, погибла вся семья Стриженовых: отец, мать и малолетняя дочь. И лишь более чем через шесть лет, была считана информация с перстня безопасности, который неведомым образом попал на руку одиннадцатилетней Валерии – дочери Игоря и Светланы. Этот перстень разрабатывался и массово производился в Ханойском Институте Глобальных Путешествий и как он оказался на пальце Валерии, через шесть лет после аварии в столь далеком прошлом – выяснить не удалось: во время знаменитого Ханойского землетрясения, были утеряны все архивы института.

Так – вот: только благодаря считанным сигналам с перстня, удалось узнать, что Валерия жива, и вычислить место и время гибели временной капсулы.

Перстень, обратной связи с нашим временем не имеет, и связаться с его обладателем – шансов нет. Поэтому сразу же был организован десант из двух сотрудников комитета, в ту эпоху. Главная и единственная их цель – сбор данных о той катастрофе и о судьбе дочери Стриженовых.

Десантники со своей задачей справились наполовину: место гибели капсулы обследовали, но причину установить не смогли: ни аварийного бота, ни самой капсулы – на месте не обнаружили. Свидетелей – ни одного. Взяли пробы грунта с луга, где приземлялся аварийный бот с девочкой, и на этом все!

Зато судьбу Валерии – проследили полностью. От первого дня её жизни в том времени, до крайнего дня, их там пребывания. С тем и вернулись.

По итогам их разведки были назначены слушания в комитете. Обсуждать предполагалось только одно: сроки засылки экспедиции для эксфильтрации дочери Стриженовых. Но вышло несколько иначе: слово в прениях взял Академик Вахрушев. То о чем он говорил – вначале поразило всех, а затем заставило крепко задуматься.

Он предложил оставить все как есть: Валерии необходимо остаться жить в том времени, в котором она случайно оказалась! – Артур поднял с хрустальной поверхности, чашку тончайшего фарфора с остывшим кофе и одним глотком допил остатки:

– Возвращение девочки в наше время – очень большой и неоправданный риск для её психики! Она уже полностью адаптировалась в новой жизни. Старых корней она не имеет. Память ребенка, в момент катастрофы обнулилась и своего детства, семьи, происхождения – Валерия не помнит.

Зато нынешние, уже крепко вросли в новую реальность. Попытка выдрать их и пересадить в другую почву, может пагубно отразиться на неокрепшей психике ребенка. Необходимо оставить все как есть, но под постоянным контролем службы безопасности комитета.

После долгих обсуждений, комитет принял сторону Академика, но с определенными поправками: поведение нас, современников, по отношению к ней не должно быть полностью пассивным. И при благоприятном стечении обстоятельств, после её полного взросления и при её личном согласии – произвести возврат в наше время.

Было решено через перстень помочь ей активировать, врожденные в прошлой жизни качества. Перечислять я их не буду: Вы их уже слышали в моем докладе. Тем более, что многие из них она открыла в себе самостоятельно. Я имею в виду умение быстро двигаться, дышать под водой и видеть ночью. Через перстень мы активировали только телекинез и левитацию. Довели до её сознания часть инструкции по пользованию резаком малой мощности, каким – то образом попавшим в её руки после катастрофы. Но она приобретенными способностями, пользуется крайне редко: только в случаях экстремальных ситуаций.

Нам удалось подбросить ей одну тонну золота в слитках. Это было сделано для укрепления её, недавно приобретенной, княжеской власти. Академик Вахрушев раскритиковал нас за этот шаг, но было поздно: золото уже находилось в её подвалах. Кстати: она им так пока и не воспользовалась!

Поверьте, Мастер: мы не вмешиваемся в её личную жизнь. Не навязываем ей жизненных решений, не диктуем ей поступков, не открываем ей их последствий. Она живет обычной жизнью женщины того времени! Именно на этом настаивал Академик Вахрушев: если этого условия не соблюсти, то любые доказательства нашей генетической идентичности с древними славянами, проживающими на этой земле несколько тысяч лет назад, будут всегда спорными и малоубедительными.

Но это уже высокая наука, а Вы знаете, что генетика – не самый мой любимый конек! – Артур поднялся и под тонким пиджаком глянулся наметившийся живот. Мастер неодобрительно скривил полные губы:

– Артур! А тебе работа в комитете безопасности, идет не на пользу. Я подумаю, как тебе помочь сбросить лишний вес, не прибегая к специальным методикам. Молод ты еще, чтобы вместо брючного ремня, носить подтяжки. Я в твои годы – о них и не помышлял!

Помни: тебе еще жениться надо, а молодые красотки – редко пузанов привлекают! Им стройных и высоких подавай. И чтоб косая сажень в плечах! Поверь старому холостяку, который четырежды был женат и все разы удачно!

1

Не близка дорога к родному дому: более пятисот верст от стольного града Ивеля до Речных Ворот, до городища рода Береговых Ласточек – Игрецы. Тракт, проложенный среди дремучих лесов и болот топких, непроходимых, содержится по – хозяйски справно, бережно.

Для удобства путников – обозников, на расстоянии дневных переходов, заложены природные постоялые дворы с конюшнями, спальными приютами и сытными столами. Особых изысков в еде не значилось, но кормили от пуза, и горло промочить медами и пивом – имело место быть.

До недавнего времени, двигаться по тракту было весьма небезопасно: купеческие обозы среди разбойного люда слыли лакомой приманкой и легкой добычей, если их ватага насчитывала три и более десятка лихих татей. Выскакивали из дремучей чащи, споро разбирались с обозниками и их охраной и уходили на свои заимки, устроенные в глухих, лесных дебрях, по тропам известным только им.

На тракте, после таких непотребностей, оставались только пустые возы и кибитки, да трупы самих обозников, которым очень не повезло. Победу праздновали сами разбойники, ну и воронье, да мелкие лесные зверушки, охочие до мертвечины.

Изредка, когда купцам становилось неважно от такого беспредела, и они начинали сворачивать свою торговлю со стольным городом – князь Ивельский отряжал сотню, а то и две гридей из своей дружины, для наведения порядка на тракте.

Через луну, радоваться начинали купцы и снова вороны. Купцы – довольные сбережением затрат на охрану, воронье – лакомству из тел разбойников, удобно для них развешенных в жестких петлях, на деревьях вдоль тракта.

Поскольку, желающих заняться разбойным промыслом было немало – голод воронам и лесным зверушкам не грозил. Через одну – две луны, воровские заимки обживали новые лихие люди, и все возвращалось на круги своя.

Конец безобразиям на тракте положил молодой князь Роман. По его велению, торговые обозы взяли под охрану конные гриды, числом не менее трех десятков. Малые обозы на тракт выпускать перестали. По торговому пути пустил дозоры, в составе которых были знатные следопыты.

Результаты не заставили себя долго ждать: число желающих раскрыть рот на дармовщину, резко пошло на убыль, а после разгрома многочисленной ватаги атамана Алкуна – и вовсе сошло на нет.

Эту ватагу, Роман громил вместе с отрядом малой дружины Речных Ворот, в котором службу несла Воительница, всем известная под именем – Найдена, приемная дочь Икутара. Тогда – то и вспыхнула нешуточная любовь между князем и нею. Любовь чистая, всепоглощающая, яростная, ответная! Любовь, которая должна была стать неземным счастьем для обоих!

Но не стала! Яркой, падающей звездой прочертила она небосвод жизни Ольги (Ольга – родовое имя Найдены) и угасла в короткий миг. Как её и не было! В памяти остались воспоминания вкуса его поцелуев, запаха мужского тела, а также нежный, все понимающий взгляд очей и веселый, рокошущий, заразительный смех.

А поверх этого налагались совсем другие картины: смрадный запах мочи и перегара, трясущиеся от пьянства персты и длани. Мутные, с ярко – красными прожилками очи и рвущие душу – грязные, оскорбительные слова, из перекошенного ненавистью рта, еще недавно родного человека.

Ольга, мерно покачиваясь в седле, тяжело вздохнула. Бутон услышал и понимающе всхрапнул. Ратища, ехавший чуть сзади, смущенно потупил очи: он не желал, чтобы его

богиня, невзначай, узрела в них сострадание и боль. И еще – вселенское преклонение и обо- жание! У каждого своя жизнь и выставлять её на всеобщее обозрение – негоже!

Встряхнувшись, как бы отгоняя сон, Великая Воительница огляделась вокруг. Зима нако- нец – то приступила к сдаче своих прав Красавице Весне: снег потерял свою белизну, стал ноздреватым и желтым. От него освободили свои лапы, растущие вдоль тракта вековые ели. Зимняя тишина леса, сменилась гомоном птиц, ожидавших прихода теплого света Ярила. Сей- час его видно не было: яркий свой лик, он спрятал в курчавых, смешливых облаках. Время перевалило далеко за полдень, и гридей, вскорости ожидал привал с обедом. Половина пути домой было пройдено, а она того – даже не узрела.

За очередным поворотом тракта, справа, в окружении мощных дубов, открылся очеред- ной постоялый двор. Саженой в тридцати за ним, змеилось русло небольшой речки, ныне спря- танной подо льдом и снегом. Русло её перечеркивал, с виду крепкий, неширокий мосток.

От тына постоялого двора, к речушке была протоптана широкая тропа, заканчивающаяся возле полыньи, со свежей наледью. Стало понятно, что она – основной источник воды для всего подворья.

Место для привала – лучше не выберешь! Это поняла не только она: Симак уже отда- вал команды на остановку колонны и развертывания полевой стряпни. Воительницу старались по таким пустыкам, как выбор места под ночлег или обед – не беспокоить. Такие решения старшина Симак принимал самостоятельно.

Ратища, свою службу знал и ценил не меньше: не доезжая до постоялого двора пол – версты, две десятки спецов, по широкой дуге огибая место привала, ушли в лес. Через малое время, по их следам, отправилась вся остальная колонна. Кроме Воительницы. Она же решила позволить себе малюсенькую, безобидную слабость.

Судя по всему, заезжих гостей на постоялом дворе не было. Хозяин с женой встретили одинокую путницу возле самых ворот. Колонну они зреть не могли: она немного раньше ушла по следу Ратищи, а вот Ольгу, они приметили издалека. Еще бы: одинокая оружная всадница на вороном жеребце!

Хозяин и хозяйка чем – то походили друг на друга. Среднего возраста, худые, с очами, в которых затаилась веки – вечная тоска. Даже пытаясь улыбаться неожиданной гостье, они её скрыть не смогли, да и особо не пытались.

После обязательных приветствий и пожеланий взаимного здоровья, Ольга открыла хозя- евам причину своего появления на постоялом дворе: она, с малым отрядом дружины Речных Ворот, ныне возвращается из стольного города Ивеля. Отряд на подходе и скоро будет здесь, а она же, ожидая их прибытия, решила побаловать себя домашней пищей: надоело питаться с костра.

Зачем поведала хозяевам полуправду – Ольга сама не знала.

Лица хозяев, после сказанного Воительницей, неуловимо изменились. В их очах появи- лась, пусть слабая, но несомненная искорка заинтересованности. Хозяин сделал пол – шага навстречу Ольге:

– Меня, все в округе, кличут Мотылем. Имя редкое, но мне нравится! Женка, отзывается на имя Фёкла. А как тебя звать – величать, Воительница?

– А так и зови, как назвал – Воительница. Так ко мне все мои товарищи обращаются, и мне мое имя, тоже нравится! – В знак согласия и понимания Мотыль склонил голову:

– Судя по жеребцу и оружию, ты это имя заслужила! Так мы и будем тебя величать. – Сделал короткую паузу и продолжил, глядя прямо в очи Ольги:

– Прости матушка Княгиня, но порадовать тебя достойной пищей, мы не в состоянии. И не потому, что не могём знатно кашеварить, а потому – что не из чего. Если бы ты появилась на нашем подворье еще две луны назад – стол ломился бы от разносолов и всяческих блюд. Моя

женка, в том большая мастерица. Спроси, у кого хочешь: от приготовленных ей вкусностей, за уши не оттянешь, пока языка тарелку языком не высушишь! Все свадебные каши, которые гуляли в нашей округе, она самолично всегда замешивала. За это и сыскала почет и глубокое уважение.

– Ольга удивленно изогнула бровь: назвал Княгиней, но от земного поклона воздержался. Ох, не так прост этот отшельник, как кажется:

– А что случилось у вас за эти прошедшие две луны? Какая напасть на вас обрушилась? – Хозяева переглянулись. Видно искали друг у друга поддержки: говорить или молчать. Наконец хозяин принял решение, как в семье и положено. Кому, как не мужчине отвечать?

– Беда пришла на наши земли, откуда мы не ждали, не думали и не гадали. Рушится прямо на очах, наше хозяйство!

А началось бедствие – с началом холодов. Однажды, поутру, пошел кормить скотину. И сразу же обнаружил, что нет хряка, которого собирался заколот поближе к Колядкам.

Хороший был хряк, пахучий. Брюквой, свеклой вареной вскормленный. Весом пудов на десять сгаком! Поначалу подумалось, что он закуток прогрыз и на волю гулять навострился. Ан нет! Закуток целый и следов его возле хлева не виделось. Ночью легкий снежок выпал, а летать хряк, аки птица, пока не сподобился.

Зато снег сохранил другие следы: вельми необычные и удивление у меня вызывающие. Ночью, возле хлева, побывали чужаки, своего визита не скрывающие. Следопытом быть не надобно!

На приступке, возле калитки в загон, легко читались следы шестерых детишек и огромной собаки. Или великого волка. Еще был след от полозьев чужих саней, каких в наших краях не делают!

В тот день у меня гостили двое соседей из близкого хутора. Они все это непотребство зрели и след согласились вместе глянуть: страху ведь особого не было. Сама смекай: негоже трем крепким мужам, пасовать перед шестью отроками! Оба соседа – здоровяки еще те и моложе меня будут. Вооружились, на всякий случай кое – чем и поспешали торить след, пока снегом его не присыпало.

Да только все это было пустое. Ничего из нашей затеи не сложилось! До полдня след был зримым и понятным, а как дошли до Земляных гор – оборвался возле первой норы. А там таких нор – больше чем на свекольном поле от слепых кротов.

Постояли мы у этой норы, затылки почесали, и тронулись в обратный путь. При нашей толщине, влезть в такую дырку, можно только голяком, да и еще жиром обмазавшись.

Погоревали мы с Феклой слезы в тряпочку собирая, а потом успокоились: хряка жалко, но только жизнь после его пропажи – не кончилась!

Седмицу жили достойно, как прежде. А потом, утром, обнаружили пропажу коровы и теленка. Все, как в первом беспутстве: следы возле хлева, но теперь девяти отроков, да полозья двух саней и три цепочки следов снегоступов – и все!

Княгиня, у меня две сторожевых собаки, но они голоса ночью не подавали, а утром, я их выгнать из конуры не смог. Рычат на меня, хозяина, но очи виноватые, ужасом сдобренные. Мнится мне, что причиной такого их поведения – следы собачьего великана, которые вновь я зрел у хлева. Воительница оживилась:

– А поведай мне, уважаемый Мотыль, как тебе удалось по следам, так точно определить число детей, у тебя в «гостях» побывавших?

– А вот ныне, ты Матушка Княгиня, подошла к самому чудному, что меня по сей день мучит и не дает спокойно спать: к детским следам на снегу. Заметь, я не глаголал про детей, а упомянул лишь о детских следах!

Посчитать их – труда не составило. Все они отличались друг от друга и сходными были лишь по парам. Сколько пар насчитал, знать столько человек, и захаживали к тебе в «гости». При первом разбое, я насчитал шесть пар, при втором – девять. Вот и вся премудрость!

Но чудо было в другом! *Уроженицы не наших земель* наведывались к нам: издалече они сюда нагрянули. – Ольга слушала затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово: – Растолкуй мне свои домыслы, Мотыль, да подробнее. Зело ты мой интерес подогрел! Только глаголь напрямки, без всяких экивоков. Не заставляй с тебя спрос чинить: – Мотыль расправил плечи: взгляд его стал колючим:

– Повеление твое уразумел, Княгиня, и смиренно повинуюсь. Все дело в отпечатках обуви на свежем снегу. Не в наших краях ладилась их обувка, не по нашему крою резана подошва. И крепится она не конопляной дратвой, а тонкой вошеной и извитой кожей, какую мы делать еще не скоро вить сподобимся! Слишком тонка и дорога такая работа!

Более тебе скажу: такую обувь я не зрел за свою жизнь, ни у одного народа, А ты знаешь, что через постоялый двор, проходит всяческий люд и у каждого рода – племени, свои уловки и секреты. Но я даю голову на отсечение: в обувке таких мастеров, допреж, никто на мое подворье не захаживал. До любой одежды и обуви иноземцев, я зело любопытный, и мимо меня такая работа – ни в жизнь бы не прошла.

И еще: снегоступы они делают совершенно иначе. Мы ладим короткие и широкие, чтобы снежный наст, вес человека удерживал. Они – узкие, не шире двух вершков, но зато себе в рост.

Я по длине подошвы, прикинул рост непрошенных гостей: вышло у меня – менее двух аршин (аршин – 0,71м). А именно такую длину имели сломанные снегоступы, которые мы нашли на подходе к норам в земляных горах. Вот так я помыслил, что пакостит нам народ мелкий и доселе неведомый!

А теперь самое главное! Порешили мы с Феклой не сдаваться и пугнуть «дорогих» гостей, когда они, в очередной раз, прибудутся воровским делом на подворье заниматься. Для этого мы свой ночной дозор удумали: половину ночи в хлеву караул несет она, остаток ночи – я. У нас ведь живность еще оставалась: овец полтора десятка, лошадь, жеребенок, что свет увидел нынешним летом. Птица всякая и свинья с поросятами. Есть еще, на что супостатам покушаться!

Четыре ночи прошли спокойно, без тревог, а вот на пятую, перед утром, они и пожаловали. Шли очень сторожко, но я, сидя под камышовой крышей конюшни, их все – таки услышал. Та ночь была морозной, и снег вельми скрипучим сделался.

Воры, особо не суетясь, сразу направились к овечьему загону. Подойдя вплотную, остановились, сняли снегоступы и начали осматриваться. Ночь была лунная, но они стояли в тени от стенки загона, плотной кучей, и сосчитать сколько их пожаловало в этот раз – не было никакой возможности.

И вот, что сразу бросалось в очи: для отроков они были уж очень широкоплечи. Ну, прямо такие крепкие мужички, только маленького роста!

И тут я почувствовал на себе чей – то взгляд, от которого по всему телу побежали мурашки животного страха. И исходил он от огромной псины! Её я разглядеть не успел: помню только горящие огнем очи и после этого – сплошная темнота. – Мотыль передернул плечами: было видно, что даже воспоминания о той ночи, вгоняют его в дрожь:

– Очнулся я, когда было уже почти светло. Тело болело, будто по нему обмолотными цепами прошлись. Спрыгнул с крыши и огляделся: на подворье никого не было. Но и в овечьем загоне гулял ветер. Полтора десятка овец исчезли все до единой. Снег, возле него, покрывали многочисленные следы детских ног.

Вот и весь сказ про нашу беду. Из всей живности, на подворье остались лошадь с жеребенком. Птицу, свинью с поросятами, мы сами порубили и заморозили. Не отдавать же её ненасытным, жадным пришельцам! – Мотыль тяжело вздохнул, отвернулся в сторону и смачно

высморкался при помощи двух перстов. Воительница, внимание на непотребную выходку даже не обратила. Она было под крепким впечатлением, только что услышанного рассказа:

– А поведай мне, хозяин, беда свалилась только на твой постоялый двор, или соседние тоже разору подверглись?

– У них – то же самое. Только они побогаче нас, поэтому грабеж не так больно бьет по хозяйству. У одних – две свинки свели, у других – десяток гусей пропало, у третьих – телку уволокли. Мы, было, сговорились, совместно к Земляным горам наведаться, да сомневаюсь я в этом: боязно! Слишком мало, об этих недомерках мы знаем. Если они такими делами, без ущерба для себя свободно ворочают, тогда и нам надо за ними повнимательней приглядеть, да сил малость накопить. Судя по всему – шапками их не забросаешь!

2

– Княгиня, ты уверена, что нам необходимо вмешаться в это дело? Что без нас оно не освятится? Мне мнится, что это может задержать нас не на одну седмицу! – Симак, умоляюще глядел в очи Ольги. Воительница его взгляд выдержала:

– Дорогой мой старшина! А не сможешь ли ты мне объяснить, в чем заключается долг воина и защитника своего отечества? Может он имеет место быть, только в строю княжеской дружины, под стягами и в сопровождении боевых барабанов и дудок? Под грозные и торжественные речи князя державного и поминальные песни волхвов? Под волны поддержки боевого братства, которые густо растекаются вдоль построения дружины перед битвой? – Слова Воительницы, как каленые стрелы, дробили гранит сомнений и непонимания, старинного друга и наставника:

– А если ты один, и никто не смотрит на тебя с благодарностью, за твое скорое мужество, и не ценит твой яркий подвиг во славу отечества? А над твоей кродой не будут рыдать, спасенные тобой от супостата, твоя семья и родные твоего племени?

В тот момент ты дрогнешь? Усомнишься в необходимости защищать, тебе незнакомых, родством кровью с тобой не повязанных, жителей земли славянской? Или для тебя люди, которых ты вызвался защищать, живут только в стольном городе? А отшельники, которые живут вдали поселений на тракте, для тебя вовсе не существуют? В одиночку, ты может, не защитник отечества, а мечом опоясанный конник на прогулке? – Бледный Симак поднял обе руки вверх:

– Прости Княгиня мне мою глупость и спасибо за столь поучительный урок! Правду люди наши глаголют: ум, и мудрость не зависит от возраста! Мне стыдно, и прошу мои прошлые слова забыть и их больше не поминать. Повелевай: мы готовы выполнить любой твой приказ! – Но Ольга уже взяла себя в руки, и зла на своего друга, держать не собиралась:

– После ночевки, готовь вместе с Ратищей отряд спецов к маршу на Земляные горы. Условия вовсе неотличимые от боевых. Выступаем рано поутру. Проводник на марше – моя забота!

От малой дружины возьмешь свою бывшую сотню: она из всех наиболее к бою готова и вынослива. Ратища возьмет всех своих «спецов». Оставшиеся четыре сотни, будут дожидаться нашего возвращения в лагере, который они сами разобьют рядом с подворьем. Кто будет над ними самым главным – решать тебе. Все. Иди, работай!

С проводником, трудностей не возникло: им, с охотой, согласился стать хозяин постоянного двора – Мотыль. Всю жизнь проживший в этих местах он, как свои пять перстов, знал каждую кочку, каждую ямку во всей округе.

От тракта до Земляных гор – было не более пятнадцати верст. Но это если ехать по звериным же тропам и через лесные буреломы. Провести отряд в двести всадников по такому лесу, было не просто, потому Мотыль повел его окружным путем, который был извилистым и вдвое длиннее, зато позволял не мучить воинов и лошадей лесными зарослями и древесными завалами.

К середине дня они вышли к цели. Земляные горы, оказались высокими холмами. Плотно и ровно собранными в сплошную гряду и густо поросшие лиственными лесом и густыми кустами. Вершины холмов, совершенно лишены растительности и покрыты плотным снегом, издали мнились крупными головками овечьего сыра в обрамлении плесени.

Воительница остановила Бутона. Рядом, касаясь шкурой её ноги, остановился Лука, еще накануне получивший от неё наказ ни на шаг не отдаляться от жеребца. У Ольги, занозой в голове сидел рассказ Мотыля о громадной собаке или великом волке. Беспokoил её и холод, пусть и слабый, но явственно исходивший от перстня Некомота.

Лука вел себя тоже немного необычно. Чаше, чем когда – либо, принохивался к сухой подстилке под ногами, неожиданно замирал и какое – то время прислушивался, шевеля единственным ухом.

Что – то ему определенно не нравилось: об этом говорил его взгляд, который он часто устремлял в сторону хозяйки. Ольга его настороженность чувствовала явственно!

Вблизи, Земляные горы оказались выше, чем гляделись издали: высота многих округлых вершин доходила до четырех сотен саженей. А один холм, сам по себе притягивал внимание. Во – первых, он был выше соседних на добрую сотню косых саженей (косая сажень – 2,5 м). Во – вторых, его подножье закрывал густой, молодой ельник. А самое странное: над ним, рваными полотнищами, висел туман, когда над другими холмами его не наблюдалось. К нему, Воительница и направила своего жеребца. Следом за ней тронулся весь отряд.

Неожиданно, путь им перегородил широкий овраг, до краев заполненный густым, желтоватым туманом. Дно оврага не просматривалось. Туман, как убегает подошедшее тесто из кадки, переползал через стены оврага и лоскутами стелился над пожелтевшим снегом. В нос ударил смрад тухлых яиц. Прояснил увиденное – проводник:

– Не удивляйся Матушка Княгиня! По дну оврага бежит горячий ручей, который берет начало у самой основы холма. От него и туман, и тяжкий запах. Вода в ручье живительная, для тела полезная. Лечит любые болячки кожные и раны глубокие – за седмицу. Да так, что и следов потом не найдешь!

А чуть выше, в стороне от ельника, есть заводь с черной грязью. Трижды обмажешь ей колени или спинной хребет, и всю ломоту, как рукой снимает!

К этой заводи мы мосток крепкий сварганили с соседями. По нему удобно через овраг переезжать, когда за этой грязью с бочкой наезжаешь. По нему мы, цепочкой, на ту сторону обрыва переберемся. Выше, шагов через двести, овраг уходит в сторону от ельника, влево. Там мосток мы и перебросили.

– Двинулись вдоль кручи. Смрад стал невыносимым: начало першить в горле, от него слезились очи и открылся натужный кашель. Ольга шейным шарфиком замотала лицо. Её примеру последовали все гриди, закрывая нос чем придется. Людям стало намного легче! Но не лошадям: они возмущенно фыркали и старались любым способом отдалиться от оврага.

Мост Ольге открылся одновременно с острым уколом холода, исходящим от перстня Некомота. Больших трудов стоило ей не выхватить из ножен меч и не принять боевую стойку. А вот Лука не смог сдержаться: у него поднялась шерсть на загривке, пасть приоткрылась, открывая страшные клыки, и из неё вылился низкий утробный рык.

Неожиданно, она почувствовала, как тело начало наливаться многопудовой тяжестью. Мгновенно пересохло в горле, и в очах зашипало, будто песком сыпанули. Огромным усилием воли, она заставила напасть если не отступить, то свернуться в кокон и затаиться где – то под грудиной. Тронула Бутона каблуками, направляя его к мосту через овраг.

Зрение, как всегда при появлении опасности, обострилось до предела: теперь она зрела не только перед собой, но и все, что происходило вокруг неё! С изумлением отметила, что ни Симак, ни Ратица, движения её не поддержали: стояли на месте и тупо пялились ей в спину. Зато Лука, издав громовой рык, метнулся в сторону и исчез среди близких ёлок. Но это было уже неважно.

Прямо перед мостом, она потянула уздечку, останавливая неспешное движение Бутона. То, что открылось её взору, заставила её проявить мудрую осторожность. Прямо перед ней, на другом конце моста, стояла толпа маленьких людей!

Длина мостка была невелика, не болеет четырех саженей, что давало возможность Воительнице разглядеть чужаков со всеми подробностями.

Да, это были не отроки, хотя ростом они были более двух аршин, но у детей не растут густые, рыжие бороды. Числом их было – не меньше трех десятков.

Во главе толпы стоял старец, с седой бородой почти до пояса, опираясь десницей на длинный посох с серебряной крестовиной на конце, и на котором сидела крупная летучая мышь.

Одеяние их не отличалось разнообразием: все они были одеты в короткие, стеганные ватные портки и душегрейки единого, темного цвета, и сапоги, непривычного покроя, примотанные к икрам кожаными ремешками. На головах – одинаковые, лисьи шапки, с опущенными и завязанными под подбородком наушниками. Все держат в руках резные дощечки с закрепленными на них луками и снаряженными короткими толстыми стрелами. Что у них в руках оружие – Воительнице было понятно, но как оно действует, она представить не могла.

Из елок донесся мощный рык Луки и тут же, через короткое время, щенячье повизгивание. За её спиной раздался стук многочисленных копыт: видно Симак и Ратица отошли от неожиданного паралича и повели отряд за Воительницей.

Седобородый, предупреждая, поднял вверх шуйцу, как – бы остерегая отряд от необдуманных поступков и призывая Ольгу к осторожности и разуму. Воительница подала сигнал Симаку и отряд остановился в нескольких шагах за её спиной. Старец сделал пяток шагов навстречу, остановился на середине мостика и заговорил на незнакомом для всех языке. Всех, но не Ольги: она его разумела, все понимала, хотя была уверена, что слышит это наречие первый раз в жизни:

– Приветствую тебя, Светлая Княгиня! Рад встрече с тобой и твоим войском! – Воительница покинула седло и тоже взошла на мост. При её приближении, старец склонился в глубоком, земном поклоне. Преклонный возраст, при этом, замечен не был. Ольга тоже, в знак приветствия, склонила голову. Выпрямившись, старец некоторое время разглядывал Княгиню немигающими и странно белыми глазами, а затем продолжил густым певучим басом. Было непонятно, как в такое маленькое тело, вместился такой мощный глас:

– Желаю тебе всяческих радостей в жизни и успехов в ратном деле! Пусть хлебная нива, на твоей земле, всегда будет щедрой, леса полны охотной живностью, а реки кишат крупной рыбой! Пусть женщины в твоём княжестве, рожают каждый год здоровых младенцев, а гости, ступившие на твою землю, пусть всегда будут *дорогими* гостями! – Слово «дорогими» – он явственно выделил голосом. Ольга, глядя сверху вниз, без всяких потуг, ответствовала на его языке:

– И я рада приветствовать тебя, почтенный незнакомец и твоих людей на землях наших племен и родов. И я тоже тебе желаю всего того хорошего, что ты нам пожелал!

Скажи мне, уважаемый и убеленный сединами незнакомец, как мне тебя величать? Ответствуй по совести, как зовется твой народ и как далеко от нас, лежит твоя родина? С какой целью вы вступили на нашу землю: с чистыми помыслами – в гости, аль с темными – нас повоевать и пограбить? И почему ты нарек меня «светлой княгиней», хотя мы с тобой незнакомы и пути наши никогда не пересекались?

– Старец остался невозмутимым: ни одна жилка не дрогнула на его бледном лице и в белесых очах ничего не отразилось. Только чьё дрогнули кончики губ под усами:

– Много вопросов, в одночасье, ты задала мне Светлая Княгиня! Ответы на них, конечно, у меня все имеются, и я обязательно на них тебе отвечу! Но перед этим, я предлагаю тебе перейти на тот берег: там, в елочках, разбит шатер, где мы можем не спеша глаголовать о жизни. Где мне, сидя, будет удобнее ответить на поставленные тобой вопросы, и внимать твоим речам.

Если есть хоть капля сомнений и опасений – можешь захватить с собой охрану: поляна там вельми большая, уместит многих, еще и место останется! – В светлых очах седобородого заплясали веселые искорки, и стал он схожим с лучшим Челаком, когда тот пребывал в игривом настроении.

Ольга от предложенной охраны отмахнулась. С чего бы ей опасаться? Она, пока еще в состоянии, себя оборонить и защитить! Подозвала к себе Ратицу и Симака:

– Вот, что друзья сердечные! Я пойду на тот берег одна, без всякой охраны. Мне надобно показать нашим гостям, что мы им доверяем и воровства от них не ждем. Скажу вам честно: опасности для нас нет. Если б она была, то я бы её чувствовала, только не пытайте – как! Не отвечу! Поверьте на слово. И главное: прошу мне не перечить: не потерплю! Ждать меня здесь, перед мостом. Внимательно всем глядеть по сторонам, как обычно делаем в походе. Бдительность никогда не бывает лишней! Мнится мне, что ждать долго я вас не заставлю: вернусь скоро. Живой и здоровой! Переживать за меня – не надо. Занимайтесь привычным делом!

Друг Симак! – Оглядишь по сторонам: – Что – то мне беспокойно за Луку. Он убежал в елочки и досель его не видно. Рык его громкий слышала я скоро после его ухода, а затем щенячий визг. Что это означает – не уразумела: от того душа и заныла. – Хмурый старшина согласно кивнул головой.

3

Шатер был пошит из толстой материи зеленого цвета и среди елок взгляду был мало приметен. Внутри него стоял низкий, грубо сколоченный из необработанных досок, столик. Столешница была накрыта узкой холстиной, на которой стоял длинный серебряный кувшин дивной работы и четыре обычных глиняных кружки. Короткие пеньки заменяли скамейки, для мягкости убранные круглыми, стегаными подушками.

За столом сидеть было неудобно: пеньки имели узкий и низкий срез, колени торчали много выше столешницы. Кроме них в шатре никого не было. Седобородый старец наполнил две ёмкие кружки содержимым из кувшина и, причмокивая губами, отпил из своего. Воительница незамедлительно последовала его примеру.

Напиток был хорош! Цвет он имел – густой утренней зори, а по вкусу походил на что – то давно забытое, но очень вкусное, и явно был хмельным. Ольге захотелось выпить чудный напиток из кружки полностью, но она сдержалась, сделала всего три глотка и с сожалением отставила питье в сторону. Старец себя не стал ограничивать и допил вкуснятину до доньшка. Чистым, белым платком лихо промокнул усы и бороду и озорно улыбнулся:

– Ну, вот теперь и поговорить можно! Люб мне этот напиток! От него ледяная кровь согревается и голова становится ясной и памятной. Он укрепляет тело и значительно отодвигает старость. Дарит мужчинам неистовую любовную силу, а нашим женщинам позволяет заниматься деторождением до седых волос.

Этот эликсир, много сотен лет назад, нас научили готовить жители одного острова, затерянного посреди теплого, великого и бескрайнего моря, путь к которому ведут тайные подземные ходы.

Для правильного приготовления, необходимо иметь особую воду, сорок четыре вида редких трав и соки девяти плодов, произрастающих в разных концах земли. И еще надобно запастись терпением, длиной не менее чем в двадцать зим: именно столько он должен зреть в дубовой бочке, в кромешной темноте и ворочая ту бочку, в нужное время, против хода солнышка.

Только при простевии этого времени, наши подземные боги наделяют его такими чудесными свойствами.

Остров, о котором я рассказываю, давно, вместе с жителями, исчез в морских пучинах, но мы секрет изготовления эликсира жизни и любви, сохранили и бережно передаем от поколения к поколению.

Можешь смело вкушать чудесный напиток, Светлая Княгиня. От него тебе, кроме пользы – вреда не будет! Проверено многочисленными поколениями нашего народа! Только меру знать надобно! – Ольга благодарно улыбнулась и до дна опорожнила свою кружку. Старец, тут же наполнил её заново:

– Мне мнится, Светлая Княгиня, что ты не огорчишься, если я буду отвечать на твои вопросы не в том порядке, в каком они были заданы? Мне так было бы много удобнее. – Воительница согласно покивала головой. Седовласый сделал приличный глоток из своей кружки и повел речь:

– Обращаясь к тебе, я упомянул титул «Светлая Княгиня» далеко неспроста. Свет от тебя струится, простому оку невидимый. Только очи людей живущих в темноте, способны узреть тот дивный свет!

Я ведаю, что ты уроженец не нашего мира и твое появление у нас предопределено силами, коим мы подвластны, и волю которых, мы не в силах изменить!

Ты – посланец высших богов! Тех, которые стоят над нашими, вашими и твоими богами и которые определяют ход всей нашей жизни! Отсюда вытекает: что твоя воля – это их воля, которой противиться не моги! Иначе – ересь и кощунство! Ты – Богами Даденная! – Седо-

власый отхлебнул из наполненной кружки. Выражение его лица были торжественным, в очах проглядывалось почитание:

– А теперь давай знакомиться! В нашем мире, меня кличут Правдогором, а в быту – Гором! Я глава рода, который нашел приют в Земляных горах. Обживаемся мы здесь с месяца, что по – вашему зовется листопад (листопад – октябрь).

Ранее нашей вотчиной считались западные отроги, тебе знакомого, Караньского хребта. Там народ наш проживал многие века, и жили бы далее если бы не беда, которая нас с привычного места согнала. Спешно пришлось спешно покинуть насиженные места и искать пристанище в других землях. – Ольга усмехнулась лукаво:

– Наверное, слова сказанные – *в других землях*, следует заменить – на *чужих землях*, так выглядит точнее и ближе к истине! Я что – то не могу вспомнить, чтобы вы ко мне обращались с просьбой о позволении расселить бедствующий народ на землях, которые лежат в самой середине моего родного Ивельского княжества. И не то, что бы я противлюсь и отказываю. Отнюдь!

Но существуют жизненные вековые законы, которые говорят о том, что если хочешь зайти в гости на чужое подворье – сначала спроси разрешения тамошнего хозяина. Или я не права, уважаемый Гор?

– И права и неправа, Светлая княгиня! Если придерживаться ваших поднебесных законов, то вся, Правда – полностью на твоей стороне! Но мой народ не живет под небесами и блюдет свои, подземные законы. Которые не вступают в противоречие с вашими, но все – же отличны от них.

Посуди сама: мы не переступали границу твоих владений, которая проложена по земле. Пришли мы к тебе *под землей*, где межи отродясь никто не прокладывал.

Далее: с нашим приходом, краев мы у тебя не заняли, пахотных земель у тебя не убавилось! Леса, для строительства наших поселений, мы не вырубали! Реки мостами не перегоразживали и на озерах причалы не строили! И так мы поступаем всегда, сколько существует наш подземный род.

Питаемся мы вовсе не так, как питаются поднебесные люди: на столах у нас совсем не то, что вы привыкли есть. Могу тебе сказать, что под землей, живности и растительности хватает, чтобы нашему народу прокормиться.

Ну а если мы иногда побалуем себя рыбкой из ваших вод, или зверем из ваших лесов, то от того у вас не убудет. Рыба и зверь размножается под луной, вельми быстро! Думаю, за такую убыль, обиду ты не удержишь! – Воительница хищно улыбнулась:

– Ну, что ты, дядюшка Гор! Какие могут быть обиды? Обильны наши леса зверем, а реки – рыбой, и способны прокормить народ, куда более многочисленный, чем ныне на моей земле проживает!

Да есть тут одна закавыка! Если зверю лесному, мой народ счет не ведет и ущерба не замечает, то сколько живности, на его подворье – поголовье ведает. И вельми огорчается, если оно на убыль, без его позволения идет! – Старец подскочил со своего пенька, как будто его шилом в зад пырнули:

– Уж не хочешь ли ты сказать, светлая Княгиня, что мои..... – Воительница перебила, не дослушав седобородого:

– Хочу! И смею! Не промыслом занимаются твои охотники – заготовители, а воровством! Тащат живность из хлевов, загонов и клетей у честных хозяев постоянных дворов, что стоят вдоль тракта! В том я лично убедилась и за свои слова готова ответить!

Не по – божески, не по закону вы поступаете, уважаемый Правдогор! Народ вельми огорчен тем вашим поведением и ко мне со своей бедой поклонился.

Ладно бы, обратились вы ко мне за помощью или к самим хозяевам: так мол и так, наметились у нас трудности с мясом после переселения и зимы. Слов нет: помогли бы, поделились последним, что маем! Что, мы не люди, или от милосердия отважены?

Жизнь так устроена: тебе ныне тяжело – я помогаю! У меня черные дни настанут – ты на помощь придешь! Люди друг – друга, поддерживать обязаны!

Или я что – то не так мыслю, не так глаголю? Ответствуй мне по совести, уважаемый Правдогор! Где ты видишь изъян в моем умозрении? Может и нам, за обиды принесенные, против народа в беду попавшего войной идти? Другого выхода мы с тобой несыщем? Как добрые соседи жить не сможем, друг – друга уважая и любя? – На седобородого жалко было зреть. Лик покрылся красными пятнами, в очах полыхали молнии, персты нервно теребили кисти крученого пояса:

– Нет, у меня оснований ставить под сомнения твои речи, Светлая Княгиня! Обвинить целый народ в воровстве – тут не до лжи и шуток! Да и чую я свою вину за непотребство, моим людом сотворенную.

Ослабил я, после переселения, дозор за жизнью рода. Недуг на две луны приковал меня к лежку. Возраст уже сказывается: скоро полтора зима минула, как я на этот свет родился!

Вот и выходит, что молодежь, без ока главы оказавшаяся, законами предков пренебрегают и свою глупость – Правдою нарекают. Горько мне это слышать: вековые устои рушатся, вольница в вековых устоях слабины ищет, правду кривдой подменяет. Ранее, во времена моей молодости, за такие деяния – руки рубили, чтоб другим неповадно было. И это хорошо охлаждало горячие, но глупые головы! Правде и милосердию, ведь учат не только словами. Часто – принуждением и жестокостью!

Ныне настало другое время: род хиреет, народу в нем становится все меньше. Мужики мельчают, баб и темноты сторонятся, семьи заводить не желают: хлопотно! Да и зачем женскую красоту в нагом виде зреть? Все одно невидно! Эликсир и без неё мужскую силу наружу гонит, а её меж собой, в особо мужской ватаге, расплескать можно!

Женщины рожать зачали реже, и зачастую на свет начали выдавать уродцев, которые более двух лун не живут, или того хуже: уже мертвых младенцев приносят.

Да они, особо, от недостатка мужской ласки тоже не страдают. Как – то научились, меж собой, её утолять.

И это – началось не в мое правление. Много раньше! Замечать стали беду, которая к нам крадется, эдак зима двести назад тому будет. Но только в мое старшинство, главы семей забили тревогу, да было поздно! Род загасает прямо на очах, и как возродить былые ценности и установления – никто не знает.

Мнится мне, что мы расплачиваемся за наш золотой век, который наступил с появлением у нас эликсира жизни. Хотя я его, для себя, именую эликсиром отложенной смерти.

Пробовал запретить его потребление под страхом смертельного наказания – бесполезно! Слишком большие запасы накопились во многих, тайных пещерах. Слишком многие были посвящены в секреты его приготовления. Слишком много бочонков, в укромных местах, ждут своего часа.

Надежда была, что все это останется в Караньских пещерах, а мы, переселившись на новое место, быстро покончим с тем, что перенесем с собой. И тогда, волей не волей, начнем потихоньку отвыкать от губительного зелья.

Но надежды не оправдались: это по земным дорогам до прежнего нашего жилья – седмица пути. А по подземным переходам до него добраться можно за два дня. Одним словом – запасы эликсира в роду не скудели.

Ушло тайно десяток человек – и через четыре дня, десяток бочонков, радуется народ на новом месте. А если честно говорить, то на самом деле уходят не десяток человек, а две, три сотни!

Есть у меня подозрения, что этот островной напиток так пагубно действует на наш род потому, что нарушены правила его приготовления. На острове его готовили из свежих, только что собранных трав и плодов, а мы – из засушенных и долго хранившихся в наших пещерах.

Может я и неправ, но сомнения меня гложут. Но не в этом дело: за время моего недуга, по моим подсчетам, в Земляные горы было доставлено, самое малое, четыре тысячи ведерных бочонка эликсира жизни. Или по другому – напитка смерти. – Ольга, с отвращением, отодвинула глиняную кружку подальше от себя. Гор, протестующее поднял руку:

– Не волнуйся за свое здоровье, Светлая Княгиня. Для тебя он не представляет никакой опасности!

Он начинает действовать на человека, когда он употребляет его в течение всей своей жизни, да и то, не лично на него, а на его потомство. Я же говорю: эликсир *отложенной* смерти!

– Но Воительницу, последние слова Гора, ничуть не успокоили. К кружке, на всякий случай, она решила больше не притрагиваться.

4

Симака и Ратищу, долгое отсутствие Ольги, начало не на шутку беспокоить. Они все чаще переглядывались между собой, не скрывая своей тревоги и желания пойти на другую сторону оврага, но повеления Воительницы, нарушить так и не решились.

Наконец она появилась на тропинке перед мостом. За ней, стараясь не отстать, быстро перебирал ногами предводитель карликов. Остановились они за несколько шагов до начала деревянного настила. Ольга обернулась:

– Вот что, уважаемый Правдогор! Предлагаю взять небольшой перерыв в наших переговорах, чтобы хорошо осмыслить услышанное каждым, и через два дня встретиться вновь. Я буду ждать тебя на постоялом дворе Мотыля ровно к середине дня. Вместе отобедаем. Дорогу туда, твои заготовители провианта – знают. Если считаешь нашу встречу ненужной – я буду очень огорчена! – Гор ответил без раздумий:

– Не переживай, Светлая Княгиня! Я обязательно буду в тобой названном месте и определенное тобой время. Можешь не сомневаться!

– А я и не переживаю: причин для этого у меня нет. Ведь встреча и дальнейшие наши соглашения, больше нужны твоему народу, чем моему. Так что – я не прощаюсь! – И не дожидаясь ответных слов, степенно поднялась в седло. Бутон приветственно фыркнул.

Отряд начал движение назад, к тракту. Воительница молчала, о чем – то напряженно думая. Симака и Ратища, тревожить её расспросами – не смели. А Ольга, тем временем, восстанавливала в памяти конец разговора с древним жителем подземного мира.

История рода, по его словам, насчитывала многие столетия, и вся она бережно хранилась в его памяти. Рассказами, былинами, сказаниями – передавалась из поколения в поколение.

Ранее, они были людьми обычного роста и проживали на берегу теплого, ласкового моря, окруженного высокими, лесистыми горами. Меж гор расстилались обширные долины, где среди высокой, жирной, в рост человека травы, обитали неисчислимы стада, в основном, травоядного зверья.

Жизнь была проста, понятна и незатейлива: вот оно море, с нескончаемыми запасами рыбы и еще всякой другой съедобной всячины; вот – непуганое зверье, которое пасется почти под боком; вот луга, богатые ягодами и кореньями. А главное – нет врагов, от которых надежно прикрывали высокие горы.

Род, от столетия к столетию, становился все более многочисленным и сильным, и ему становилось тесно среди благодатных долин. От рода начали откалываться мелкие и крупные семейные кланы, которые уходили на поиски подобных земель. С ними поддерживали связи и оказывали, посильную помощь. Особо смелые и отчаянные, отправлялись в плавания на плотках и выдолбленных из цельного ствола дерева, лодках. Одним словом – все, как и положено в этой жизни. А потом пришла беда. Беда страшная и неожиданная.

Однажды, глубокой ночью, небосвод разрезала огненная птица. Грохот при этом стоял такой, что у многих соплеменников, наутро, были замечены потеки крови, вытекающие из ушей.

Мгла окутала землю. В положенное время, светило из – за гор не появилось, постоянно дующий ветер гнал черные облака, из которых, без перерыва, лился черный дождь. Ветвистые, незримые ранее, огненные стрелы – непрерывно били в землю, заставляя гореть грязные, мокрые деревья.

Вместе с ними горели жилища поселений рода. Люди спали на мокрой, раскисшей земле. Огромные волны взбесившегося моря так заливали берега, что вода стала просачиваться

в долины. Скрученная в жгуты грязная трава, служить кормом для живности была не пригодна, и травоядное зверье, собираясь в огромные стада, потянулась с лугов в горы.

Род, заготавливать пищу впрок, приучен не был, и через седмицу, он впервые столкнулся с таким понятием, как голод: лугов не стало, к морю подойти было невозможно, живности в округе не было.

От постоянной сырости и отсутствия небесного света, среди народа объявились, ранее неведомые хвори. Черный дождь не прекращался ни на мгновение уже две седмицы: оставаться роду на старом месте – было равно, что обречь себя на верную гибель. И они, следом за живностью, начали подъем в горы, в надежде, что за ними они найдут пристанище не уступающее прежнему.

Но через горы они не прошли: голод и отвесные кручи, быстро съедали силы и увеличивали число больных, которых надо было нести на себе. А это еще более замедляла подъем к вершинам.

Однажды, в конце дня, уже совсем обессиленные, они наткнулись на зев, который вел в самую глубь горы. Выхода не было: или ночевать под проливным дождем на голых, мокрых камнях, или страх пересилить и войти в каменное чрево. Выбрали последнее.

Пещера оказалась огромной. Вместить она могла десять таких родов, как их. А главное: в ней было тепло и сухо! Своды пещеры были низкие, в полтора человеческих роста, и на них великими гроздьями гнездились летучие мыши. За долгое время род впервые лег спать не с пустыми животами.

Наутро, желающих покинуть сухую обитель и вновь карабкаться вверх под непрекращающимся грязевым дождем – не нашлось ни одного. На общем сходе порешили: остаться в пещере до лучших времен. До тех пор, пока не прекратится дождь и хворые не наберутся сил. Тем более что летучих мышей, а значит пищи, в горе было предостаточно, а значит голод, отныне, им не грозил.

Тяжко обживались на новом месте, а когда добыли огонь, выяснилось, что из пещеры, в разные стороны уходят многочисленные ходы – ответвления. Куда они ведут, знать было интересно, но идти по ним было боязно. А вдруг заплутаешь в темноте и назад дорогу не найдешь?

В хлопотах минуло две луны. Тем временем, черный дождь превратился в серый, но переставать вовсе не собирался. Море вышло из берегов и его волны плескались уже у подножья гор.

К темноте стали привыкать, она больше никого не пугала. Более того: когда не горели костры, очи стали различать окружение, и темень перестала быть теменью.

Попытки разведать ответвления оказались успешными: в них обнаружили длинных, в три пяди и более – бледных, толстых червей, огромных сороконожек и мокриц, величиной с мужскую длань. С едой стало лучше. Мясо летучих мышей, стало уже приедаться. В местах, где через каменную толщу пробивались грунтовые воды, женщины обнаружили мелкие грибы и белые корни неизвестных растений. Жить стало еще веселей!

В середине третьей луны, дождь, наконец, прекратился, но лохматые, черные тучи не позволяли светилу взглянуть на землю. К тому времени, покинуть сухую и теплую пещеру, уже не помышлял никто. А зачем?

Пища есть, пусть и не такая приятная, как в былые времена. Дрова для костров, из леса, который произрастал на пол – версты ниже их пещеры, уже давно носить приспособились. Воды – в избытке! Больных соплеменников, почти не осталось: некоторые померли, а остальные пошли на поправку. По примерным подсчетам, ныне род насчитывал не более тридцати пяти сотен человек. Из них, еще полноценных мужчин – не более девяти сотен. Самых смелых и сильных из них, отрядили на разведку ходов – ответвлений. Вскоре выяснили, что некото-

рые из них рано или поздно выходят к белому свету, но большинство ведут вниз, в никому неведомые, подземные глубины.

Часть из них, были проложены самой матушкой природой: это были русла давно высохших рек и ручьев некогда протекавших под поверхностью, и разломы, возникшие при трясениях земли. Но все они, позднее, познали работу человеческих рук. Некоторые же, были пробиты и проложены людом, от начала и до самого конца, которого новоселы пока не достигли. Кем были эти неизвестные подземные проходчики, когда они великую работу исполняли – неведомо.

Да над этим особо и не задумывались: мысленно восхищались их трудом и благодарили за такой подарок, спасший жизнь целого племени.

Так началась ее новая жизнь! Жизнь неведомая, никем из живущих ныне еще не опробованная. Полная опасностей, тайн и загадок. Жизнь – в кромешной темноте, без ласковых лучей небесного светила.

Освоение подземного мира шло медленно, со многими человеческими жертвами и заняло не одну сотню лет. Оказалось, что этот мир имеет много преимуществ, перед прошлой, поднебесной обителью.

Постепенно были забыты проливные дожди, морозы, ураганы с грозами, несущие неисчислимыя беды и страдания поднебесным жителям. Оказалось, что передвигаться под землей, намного проще, быстрее и безопасней, чем по поверхности. Земля, внутри, походила на знаменитый овечий сыр, какой делали только в Муранском княжестве, и в котором дырок было больше, чем самого сыра.

Подземные ходы густо опоясали землю: они, то расходились, то сходились, переплетались между собой и разбегались, чтобы вновь встретиться за сотни верст от того места.

Только через многие лета, бывшие новоселы, смогли частично разобраться в их хитро-сплетениях, что дало им возможность, добираться до нужных мест, за сотни и тысячи верст, в совсем короткие сроки. Тем боле, что рост подземных жителей – значительно уменьшился.

Внутри земля оказалась очень богата. Множество золотых жил и россыпей самоцветных камней открылись нынешним переселенцам, но к их собственному удивлению набивать карманы золотыми самородками и загребать самоцветы шапками, они не спешили. Что с ними делать? В темноте, блеск золота и сверкание драгоценных камней – никто не видит и никто не ценит! А тогда для чего тяжесть лишнюю на себе таскать?

Постепенно, жизнь вернулась в наезженную колею, и приобрела почти прежний смысл. Время шло, менялись поколения и все реже и реже воспоминания о прежнем бытии возникали в общих разговорах соплеменников. Возвращаться к старой жизни, никто не мечтал.

Но это не значило, что они прекратили все контакты с поднебесным миром. Отнюдь! С каждым прожитым годом – они только усиливались: без торговли и обмена подземная жизнь – невозможна. Крепнущее, недавно народившееся купеческое сословие, исправно снабжало род зерном, продуктами, мехами, материей, кожей. И еще многими и многими, полезными для подземных жителей, товарами. Взамен поднебесные жители получали дары недр: золото, серебро, самоцветы, горный хрусталь, руду. Большим спросом пользовались кованые изделия из металла, особенно оружие, которое в немногих подземных кузницах научились изготавливать умельцы наковальни и горна. Любая руда для того, была ведь доступна!

Под жильем выбирались наиболее сухие и проветриваемые помещения. Приветствовалось близкое наличие воды и выход в поднебесный мир. Поскольку, все члены родовых общин, к тому времени научились зреть в кромешной темноте, пещеры для жилья, начали украшать лепниной, делить стенами на отдельные помещения и выкладывать ровные дорожки для хождения. Можно было сказать, что Караньские отроги были полностью обжиты и являлись своеобразным стольным городом подземных жителей. Жизнь действительно, вошла в свою, привычную колею.

И тут вновь грянула катастрофа!

Стольный город, в котором проживало более десяти тысяч жителей рода, находился очень глубоко под землей. Над головой у них находилась земная твердь, толщиной в полторы версты. Внутри тверди и земляного пласта, протекала полноводная, подземная река. Её воды служили для рода неиссякаемым источником существования и не только: она давала возможность скрасить бесцветную жизнь под землей. Река питала в городе искусственные озера и пруды, создавала давление струй для рукотворных и многочисленных резных фонтанов, устроенных по всем улицам столицы.

К этому времени, главой рода выбрали уважаемого старца Правдогора. Именно в годы его власти, произошло то, чего больше всего втайне ждали и опасались: река промыла верхний свод пещеры!

Случилось это именно в тот час, когда жители стольного города отмечали дату появления в небе огненного «гостя» и к страшному событию, в тот момент, готовы не были.

Весь народ, от мала до велика, находился на площади, где перед ними глаголал свою речь старец Правдогор. В один миг, почти над головой, разверзлись каменные «небеса» и в естественную пещеру хлынул водопад из целого русла полноводной реки!

Народ, не дожидаясь ничьих указаний, бросился к входам в пещеры, которые выводли в верхние горизонты и далее – прочь от губительного водопада. Но слишком мощным был поток, слишком близко к нему были люди и слишком быстро вода заполняла пещеру!

Спаслись немногие. До подобной пещеры, которая находилась в Земляных горах, добрались чуть больше двух тысяч соплеменников. И это из десяти с лишнем тысяч тех, что нашли приют в отрогах Караньского хребта!

Определенно: их древний род, за прошлые грехи, преследовал злой рок! Но за какие грехи – ни один житель подземелий вспомнить не мог. Да и не очень старался. Чем это им поможет? Род вновь, как это уже бывало, начинал жить заново.

5

Уже подъезжая к постоялому двору, Воительница обернулась к своим верным друзьям: – Вот, что братцы! Сегодня для всех отдых, в том числе и для вас. А завтра, поутру, собираемся у меня. Будем думать, как нам жить с новыми соседями. И какую мы можем оказать им помощь, чтобы они вспомнили божеские заповеди и перестали их нарушать.

Воинам передать: завтра последний день отдыха. Послезавтра, ни свет, ни заря – трогаемся дальше и до Игрецы, будем надеяться, остановок больше не будет.

Я остановлюсь на ночлег у Мотыля. Мою охрану разместите по его велению. На вечерю, каждому гридю жалую по штофу сбитня. Это всех касается!

Меня, без особой нужды, до утра не беспокоить. Просто мечтаю отоспаться в обычной постели!

Мотыль ждал её возле ворот. В очах плескалась любопытство, вперемешку с надеждой. Жена стояла чуть поодаль, держа длани под блеклым, от частых стирок, фартуком. Низко поклонились оба.

Ольга сунула уздечку в руку хозяина: – Отныне, можете спать спокойно. В дозоры ходить больше не надо: живности вашей ничто, впредь, не угрожает! Подробности узнаешь завтра.

К моему жеребцу отнесись поласковей. Притомился он в походе по лесам и холмам: внимание и отдых заслужил в полной мере! – Мотыль согласно кивнул кудлатой головой. Подбежавшая жена перехватила уздечку и повела Бутона к конюшне. Мотыль вновь поклонился:

– Княгиня! Фекла, для отдыха, горенку приготовила, дубовую кадку водой заполнила. Можешь хоть сейчас обмыться: думается, что вода еще не остыла. И стол она тоже накрыла, как сумела. Знала, что на встрече с маленьким народом, тебе не до еды было! Мы все, что смогла достать тебе в усладу, на белу скатерть выставила. Не побрезгуй хозяйским угощением!

Вода в дубовой кадке, все – таки остыла, но это Воительницу ничуть не смутило. Она, с огромным удовольствием намазала тело золой, размоченной в известковом молочке и только тогда окунулась в прохладную воду. Смыв зольную кольчугу почувствовала, как забурлила кровь в жилах, как быстро настроение поползло вверх. Хотелось громко петь, смеяться и разбрызгивать воду из бочки. Но этого она себе не позволила: усилием воли подавила в себе ребячий восторг.

Выбравшись из бочки, прямо на голое тело, натянула бежевую, короткую поневу и подивилась: в талии и на бедрах она сидела, как и раньше. Зато на груди так стискивала тело, что было даже трудно дышать! Беременность, пусть и неудачная, сделала свое дело. Девичьи конусы груди, зримо изменили свои формы и увеличились в объеме. Теперь это были груди зрелой женщины! Причем изменения, ныне произошедшие в облике – ей очень нравились.

Стол, хозяева, накрыли в общей трапезной трактира постоялого двора. Одурающее пахли свежие, хвойные, девственно чистые опилки, толстым слоем устилающие земляной пол. Длинный стол был застелен белой скатертью с вышитыми, красными петухами по краям. На ней пока, ничего не стояло: команда от Княгини, что пора накрывать на стол – еще не поступила.

Ольга, через Мотыля, пригласила на вечерю своих верных боевых побратимов: Симака, Ратицу и троих сотников малой дружины Игрецы. Их приход ожидался вскорости.

Увиденным Воительница осталась вельми довольна. Отдав последние распоряжения хозяевам, она отправилась к себе в горницу. Тщательно, деревянным гребнем, расчесала волосы и разбросала их по плечам. На шею надела простенькое монисто из мелкого, речного жемчуга. Поглядела на свой облик отраженный в бронзовом, настенном зеркале и сама – себе понравилась. Горько усмехнулась: вроде, как под венец нацелилась! И тут же одернула себя:

старовата ты уже для венца! Настроение заметно упало. Громко петь и смеяться – расхотелось. Еще раз оглядела себя в зеркале и напрямик отправилась в трапезную: друзья уже должны быть на месте.

Стол разносолами не изобиловал, но то, что было, говорило о желании хозяев угодить гостям. В первую очередь, в очи бросались жареные в масле рябчики. Зимой добыть их из – под снега, не было особой трудностью, но требовала от охотника крепких ног и большого терпения.

Благодаря добавлению в кипящее масло пахучих трав и семян нужных растений, запах от стола плыл такой, что рот мгновенно наполнялся обильной слюной.

В глиняных горшочках, плотно накрытыми крышками, попевала уха из стерляди, сдобренная щедро чесноком и сушеным укропом. По центру скатерти стояло огромное блюдо румяных порожков с зайчатинной. Задняя нога косули, запеченная в тесте из гороховой муки, могла насытить не менее десятка знатоков местной кухни.

На деревянном блюде, покоились, ровно нарезанные ломти крупного, отварного осетра, обильно политые соусом из цветочного меда и зеленой горчицы.

Рыжики, грузди, боровики, шибали в нос запахом смородинного листа. Горкой выселись моченые, слегка сморщенные, краснобокие яблоки. Квашеная капуста радовала очи вкраплениями крупной, темно – коричневой клюквы.

Кувшины с медами, запечатанные пчелиным воском, горделиво дополняли столовое благолепие. Одним словом – вечера обещала быть долгой! Приглашенные гости выглядели празднично. Обувь натерта до зеркального блеска, кафтаны имеют следы щеток. Под ними – атласные и шелковые рубахи. Пояса не боевые: с цветными кистями и яркими, начищенными бляхами. Но мечи и кинжалы на месте присутствуют.

Волосы и бороды ознакомлены с жиром и гребнем. От Ратищи, даже явственно пахнет водой, настоящей на фиалке. Ну, прямо – женихи!

За стол Ольга пригласила и хозяев. Мотыль без колебаний занял место рядом с сотником малой дружины по имени Маслюк. Хозяйка от приглашения отказалась, сославшись на кухонные дела. Её поняли, и настаивать не стали.

После того, как гости утолили первый голод, Воительница поведала о том, что она узнала у старца Правдогора. Внимали ей с большим интересом, не забывая при этом споро наполнять старым медом быстро пустеющие кружки.

Да и ели все с большим аппетитом, постоянно нахваливая поварское искусство хозяйки. Особенно всем по нраву пришлись пирожки с зайчатинной и осетрина под необычным соусом.

Тем временем, Воительница заканчивала свой рассказ:

– Все, что вы услышали сегодня, я собиралась вам поведать завтра утром. Оставляла себе время для того, чтобы глубже обмозговать новость и принять мудрое решение. Но, неожиданно для самой себя, поняла, что особо мудрить не надо: поступить мы можем только так, как учат нас наши боги. Так, как подсказывает нам наша совесть и заветы наших предков: оказать посильную помощь любому народу, попавшему в беду! Именно так мы и поступим!

Я, дам добро на проживание племени подземных жителей на нашей земле. И наш народ, со всей душевностью, отнесется к новым соседям. Мы примем их в состав нашего княжества и наделим их всеми правами и обязанностями, коими пользуются, давно живущие на этих землях, народы.

Это мое решение и его я доведу завтра до их старейшины Правдогора! Последнее слово за ним: если его наши условия устраивают – тогда милости просим! Если нет, то пусть ищут другое место, для своего проживания. Земля – она большая, и гор, с укромными уголками, на ней достаточно.

Но воевать с народом, попавшим в беду, мы не собираемся. Им и так досталось от жизни! Вся моя надежда – на их вековое сознание и чистые помыслы, которые есть в каждой человеческой душе.

А теперь налегайте на чудеса, приготовленные нашей гостеприимной хозяйкой, оценим её умения, в кухонном деле и пожелаем ей долгих лет жизни!

Отдельная благодарность тебе, славный Мотыль! Мы представляем, сколько верст ты прошагал, выгоняя из – под снега таких жирных рябчиков для этого стола. За вас с хозяйкой, я и предлагаю всем, поднять наши чаши! За ваше здоровье и жизненную удачу! При этих словах – все встали.

В полдень, как и обещался, на постоянный двор прибыл Правдогор, в сопровождении четырех десятков бородатых карликов, вооруженных дощечками с закрепленными на них луками. Старец восседал на маленьком возке, который тащила холеная, упитанная кобылка. Охрана бежала следом, на странных для взора, узких и длинных снегоступах.

Воительница вышла встречать старца к самим воротам, что должно было показать Правдогору, степень её уважения к нему. Охрана помогла своему предводителю выбраться из возка.

Обменявшись обычными приветствиями, Ольга предложила не тратить понапрасну времени и сразу сесть за обеденный стол. К её великому удивлению, Правдогор вежливо отказался от застолья.

Недоумевающая, она внимательно посмотрела на гостя и тот не стал задерживаться с объяснениями:

– Я очень благодарен тебе, Светлая Княгиня, за любезное приглашение разделить с тобой трапезу, но мнится мне, что за сытной едой – особо не поговоришь. Уверен я, что все блюда будут отменными и время для разговоров нам не оставят. А мы, сегодня, вельми в нем ограничены: вскорости ожидается снегопад с сильной метелью. Что – что, а погоду я предсказать всегда могу! И ни разу в этом деле не дал слабины. Тело само подсказывает, когда ждать её изменения.

Светлая Княгиня, прошу тебя учесть мой преклонный возраст! В мои годы, шастать по лесам, в холодную метель, здоровье уже не позволяет. При такой снежной круговерти, мне пристало сидеть у яркого костра и попивать зловредный эликсир из большой кружки.

Не держи обиду за мой отказ: дадут боги – я еще не раз смогу оценить твое гостеприимство и поварское мастерство. – Ольга понимающе улыбнулась и кивнула головой:

– Я тебя поняла, Правдогор! И причину твоего отказа – принимаю. Вот только насчет скорой метели, у меня возникают сомнения: сам посуди – на небе почти нет облаков. Откуда снегу взяться?

– А ты отбрось свои сомнения. Как я сказал – так оно и будет! Сама увидишь, что будет здесь твориться в скором времени. – С этими словами они проследовали в трапезную, но сели не за тот стол, который был накрыт праздничной скатертью. У входа осталась охрана старца. Ратища маячил в проеме двери. Ольга начала говорить без одобрения старца и без всякой подготовки:

– Вот мое решение: если ваш род проявит желание, мы готовы оказать всяческое людское гостеприимство. Земляные Горы, мы отдаем для вашего проживания. Более того: лесные и водные угодья, на десять верст от подножий гор – будут только вашей вотчиной. Любе проникновения в них, против вашей воли, будут осуждены нашими законами.

Вы будете включены в реестр торговых сословий, и нашим купцам будет предложено учитывать ваши интересы при планировании своих торговых дел.

Начиная с месяца травного (травный – май), возле этого постоянного двора будет открыта площадь для нового торжища, где местные жители и заезжий торговый люд, организуют ежедневную торговлю всем необходимым для вашего народа.

На этом же торжище, каждые шесть лун, мы будем организовывать ярмарки, куда привлечем, как наших, так и купцов из соседних княжеств. А возможно – и купцов из заморских стран.

Но вы должны понимать и постоянно помнить, что торжище создается для вашего народа и только ради него. Вы являетесь не только главными потребителями и покупателями товаров, но и главными продавцами того, что в избытке есть у вас. То – есть, главным, руководящим правилом на торгах и ярмарках, должна стать не покупка – продажа продовольствия и всяческих товаров, а его величество – **ОБМЕН**.

Это должно дать толчок к развитию всех видов производств и ремесел, не только в наших городах и городищах, но и у вас под землей.

Другими словами – если бы вы сами не пришли в Земляные Горы сами, то вас надо было бы звать и приглашать. Ваше появление здесь, натолкнула нас на мысль, о создание третьего центра торговли и обмена, после Игрецы и стольного града Ивеля. Необходимость его назрела давно, но строительство и открытие, которого – постоянно и незаслуженно откладывалось.

Ведь именно эта местность нашего княжества, является равноудаленным от родов, издавна проживающих вдоль Смиглых болот, по берегам Ратыни, отрогах Караньского хребта и озера – моря Бельхи!

В дальнейшем, я вижу рождение, на этом месте, нового города: торговой столицы Ивельского княжества! – Правдогор немигающим взглядом смотрел на Воительницу и старался не пропустить ни единого слова. И только стоило ей закончить свое вещание – отвечивал без промедления:

– Мой народ согласен войти в состав **ТВОЕГО** княжества, Светлая Княгиня и принести присягу верности **ТЕБЕ**. – Слова, в чье княжество они согласны войти, и кому принести присягу Правдогор выделит голосом. Но Ольга на это внимания не обратила:

– Ну, вот и славно! Главный вопрос, будем считать решенным. А присягать примемся после полного строительства торжища. Мне очень хотелось бы верить, что наши с тобой решения, принесут мир и покой нашим народам, и что мы станем друг для друга, добрыми соседями.

К созданию торжища мы приступим после славной подготовки, но не позднее окончания нынешней весны.

Насчет погоды, Правдогор оказался прав: Когда Воительница, провожая гостей, вышла на воздух, небо уже было затянуто низкими черными тучами. Посвистывал ветер, но снега не было.

Старца заботливо усадили в его возок и накрыли сверху овечьим пологом. Охрана торопливо надевала снегоступы и выстраивалась вдоль возка. Правдогор выпрастал из – под полога руку, и обратился к стоящей рядом Воительнице:

– Благодарю тебя за все, что ты сделала для нас, Светлая Княгиня! Твое решение, о принятии рода в свою семью, говорит о твоей мудрости и прозорливости. Я уверен, что с нашей стороны, ты навсегда приобрела верных и надежных подданных, которые будут востребованы княжеством не только во время веселых пиров, но и в дни тяжелых сражений с супостатами, покусившихся на твои исконные земли. Это говорю тебе я, старейшина Правдогор, и за все свои слова, несу полный отчет перед богами. Когда возок Правдогора выезжал за ворота постоялого двора, повалил густой снег, засвистел ветер. Начиналась крутая метель. Предсказания подземного старца, подтверждались. пол Ольга вернулась в теплую светелку, выделенную Мотылем, и сразу улеглась в постель. Сон сморил быстро.

6

Сиреневый рассвет еще плыл над землей, когда войско Речных Ворот покинула постоянный двор гостеприимного Мотыля. Он, вместе с женой, стоял возле ворот, и махал вслед уходящим от них сотням, рукой. Надежда на спокойную жизнь, им была возвращена.

До Игрецы оставались двое суток пути. Тракт на два вершка был укрыт свежим, выпавшим вчера вечером, снегом. Прощальная метель, возникшая ниоткуда и исчезнувшая в никуда, облагородила окружающий мир в девственно белый цвет, который радовал очи. Нынешний день, обещался быть ясным и солнечным. Настроение, возвращающихся домой воинов, неуклонно ползло в гору. Соленые шутки и богатырский смех, раз к разу, будоражили колону.

Дважды, на пути, попадались встречные, тяжело нагруженные обозы с товарами из Речных Ворот. Среди встречных было много знакомых лиц: купцы, возчики, охрана – все родом из славной Игрецы, земляки! Приветствия, объятия, поцелуи замедляли движение колонны. Услышанные наспех новины, очень поднимали и без того высокое настроение.

Тракт освободился от снега: видно полоса метели, до этих мест не достала. На ночлег решили не останавливаться. Если что – подремим в седлах, не впервой: всем хотелось побыстрее оказаться дома. Воительница, желанию гридей противиться не стала, только велела чаще менять дозорных. Самой хотелось скорой встречи с родными: аж зубы сводило!

На мгновение представила себе всю свою семью: приемного отца Икутара, хранительницу всего семейного очага – бабу Домну, новых членов семьи: бабу Стояну и её внуков Семена и Настю, которые теперь приходились Ольге названными братом и сестрой. Сердце сладко защемило от радости новой, желанной встречи. В окружении своей семьи, она надеялась обрести утерянное душевное равновесие.

Во второй половине следующего дня, взору открылись давно знакомые, родные места. Ночной марш значительно ускорил ожидаемое время прибытия в Игрецу.

Вот та дорога, которая выводит к лагерю, в котором когда – то был лагерь сотни Унибора. Вот ответвление от тракта к молодому болоту, где они испытывали в действии греческий огонь. Получалось, что до дома, осталось всего семь верст!

Кони, словно почувствовали скорое окончание пути, и без команды, самостоятельно, перешли на легкую рысь. Дружинники их не сдерживали. Домой, скорее домой!

Тракт вынырнул из леса и сразу стали видны главные, раскрытые нараспашку, ворота городища. Возле них толпились люди в ярких одеждах: их встречали! Об их возвращении – знали!

Очевидно, что кто – то из встреченных обозов, послал в Игрецу почтового голубя с весточкой об их скором прибытии, и народ вышел к воротам, встречать своих победителей!

Без всякой команды, сразу несколько звонких голосов, затянули первый куплет дружинной песни, которую тут же подхватил, более чем полу – тысячный отряд:

Ой, что – то мы засиделись, братцы
Не пора ли нам разгуляться
Русь молодая, силы немерено
Дайте коня мне и добрый меч

Ратью пойдем мы на врага
Русь молодая сердцу дорога
Да не пристало сидеть нам по хатам
Дайте коня мне и добрый меч!

(Старая славянская песня – Русская рать. Википедия)

Песня победителей гремела, поднимая настроение, выпрямляя спины, разворачивая плечи и поднимая к небу подбородки. Встречающие махали шапками, подбрасывали их высоко в воздух, смеялись и плакали от переполняющих, радостных чувств.

За их спинами, блестела кольчугами вторая половина малой дружины Речных Ворот. Впереди толпы в полном боевом снаряжении, стоял княжеский посадник Икутар – приемный отец Воительницы Ольги, бывшей Княгини Ивельской. Он тоже плакал и слез своих, не стеснялся! Остальных своих родных среди собравшихся горожан, Воительница, пока различить не могла.

Восторги от долгожданной встречи долго продолжаться не могли: все желали разойтись по домам, и побыстрее остаться наедине с близкими. Через короткое время, кони заняли свои места в конюшнях и дружинное подворье обезлюдело.

Пир в честь славной победы и удачного похода, решили устроить через три дня, в субботу. Время на подготовку к застолью – было предостаточно!

Последними дружинное подворье, позаботившись о лошадях, покидали Икутар, Ольга и Настя с Семеном. Бабушки Домна и Стояна, встречать гридей не приходили: они были заняты подготовкой к праздничной вечере. На неё пригласили бывшего старшину малой дружины – Михея, нынешнего старшину Вяхиря и сотника Симака, вместе с семьями. Не забыли и о семействе главного на пристани, бывшего вожака лесорубов – Слуда. Не обойден был вниманием начальник над «спецами» – Ратица.

Домна и Стояна, встретили Ольгу прямо на крыльце терема игрецкого посадника. Поцелуев и объятий было столько много, что их бы хватило молодоженам, на целую брачную ночь, а пролитых слез радости – на полив приличной грядки огурцов в засушливое лето!

Когда схлынули первые восторги от встречи, Воительница, на скорую руку, обмылась в баньке от дорожного пота. Следом за ней, в горячее банное марево, окунулся Симака, Ему вызвалась потереть спинку – молодая жена Благана. Эти задержались в баньке, значительно дольше. Глядя на них было непонятно: кто кому тер спинку, и спинку ли?

Стол был накрыт в самой большой горнице. Гостей никто специально не рассаживал. В центре оказались отец с дочерью. Рядом с Ольгой – названные брат и сестра. Домна и Стояна задержались на кухне. Агата, жена Вяхиря, и Благана – взяли на себя роль подавальщиц еды и напитков гостям.

Над столом плавали, дивно пахнувшие облака от различных блюд, искусно, от всего сердца, приготовленными пожилыми, любящими бабушками. Забулькали многолетние мёды, заполняя серебряные кубки из серебряных же кувшинов. Все присутствующие зашпешили утолить голод, чтобы скорее перейти к самому интересному: рассказу о походе, от самой Воительницы.

Как стрекозы летом, стремительно, возле стола летали Агата и Благана, доставляя из поварни, все новые и новые блюда с едой и закусками. Посадник, он же хозяин стола, уже дважды доливал мёдами кувшины из пузатых бочонков. Лица присутствующих раскраснелись, очи ласково ощупывали соседей и неизменно возвращались к обожаемой Воительнице Ольге: дочери, внучке, названной сестре, а для некоторых – просто Богине!

Наконец, первый голод был утолен. Ольга вытерла уголком белого полотенца губы, оглядела присутствующих и молвила:

– Дорога в стольный град Ивель, была быстра и позволяла нам лишь редкие остановки. Князь Роман понимал, что промедление – смерти подобно. – Так она начала рассказ о Ивельском походе:

– Тем более, мы получили известие, что князя Горазд и Благослав, наемники, уже вторглись на наши земли, и что их войско, начало движение по тракту к столице. – Голос Великой

Воительницы был ровен, без лишних проявлений чувств и он, постепенно завораживал, сидящих за столом.

Ведала она подробности похода самым близким для неё людям, поэтому ничего от них старалась не скрывать. Была уверена: они все поймут и оценят происшедшее – правильно.

На мелких, незначущих подробностях, внимание слушателей не заостряла: развитие безудержной любовной страсти между ней и Романом, оставляла в стороне. Говорила только о самом главном. Но свою беременность не скрывала: поведала, как о вполне жизненно ясном и закономерном явлении.

Слушатели воспринимали случившееся, как богами даденное. Беременность и рождение ребенка – это святое! Но во взглядах, устремленных на Воительницу – явно читалось недоумение: её фигура, скорое материнство – не являла. Ольга, казалось, этих взглядов не замечала.

Очевидно, это было связано с тем, что она перешла к самому главному: походу и битве с князьями Благославом и Гораздом. Повествование стало более подробным и красочным. Таким, каким она зрела его своими очами. От присутствующих, особенно от Михея, посыпались вопросы, на которые Воительница старалась ответить сразу, по их поступлению.

Рассказ увлек и захватил слушателей. Про еду, и меды было забыто напрочь! Из поварни вернулись женщины: Домна и Стояна. Агата и Благана, оставшись не у дел, тоже присели к столу. Слушали, увлекательный рассказ, раскрыв рты. Время для всех – как бы остановилось! Даже Симака и Вяхирия, принимавших самое деятельное участие в походе, повествование о недавних, славных событиях не оставило равнодушными. Они засуетились, принялись иногда поправлять и добавлять подробности в живой рассказ Воительницы.

Женщин особо взволновал тот период жизни, когда жители стольного города, предложили Ольге княжескую корону.

Мужчины, особенно Слуд и Михей, зело возбудились при рассказе Ольги, об истории создания удивительного меча – Кладенца. После чего, они долго и дотошно рассматривали чудо, произведенное руками кузнечного мастера – Прокопа. А попытка Слуда, проверить меч в деле, привела к тому, что его клинок – укоротился ровно наполовину!

Весть о сказочном богатстве, которое было найдено в меловом карьере особого удивления не вызвала: клад – он и есть клад. Его и прячут для того, чтобы кто – то его нашел!

Особый интерес у воинов, вызвала задумка Воительницы о создании специального отряда под рукой Княгини и Ратищи. Долго, ох долго, терзали они последнего, выспрашивая его о подготовке и обучении «спецов», об успехах отряда в походе. После этих расспросов Михей, Вяхирь и Слуд, стали глядеть на Великую Воительницу совершенно восторженными очами.

Незаметно летело время. За слюдяными окошками горницы, уже хозяйничала темная ночь. Но Игреца не спала: то в одном конце городища, то в другом, тишину ночи нарушали звуки веселых песен, лихих плясок и жарких застолий. Речные Ворота праздновали возвращение малой дружины, возвращение из похода своих близких!

В горле у Воительницы пересохло, и она сделала небольшой перерыв в повествовании. Налила полный кубок одурманивающее пахнущего меда и залпом выпила. Её примеру, немедленно, последовали гости и хозяйева. Подумав, Ольга налила еще половину кубка и расправилась, как с первым. Рассказ о славном походе подходил к своему концу, но оставалось самое трудное: поведать родным и близким о тяжелой болезни Романа, о неудавшемся материнстве и причинах, по которым ей пришлось сложить княжескую корону.

О своих чувствах и переживаниях, о том, что ей пришлось вытерпеть и пережить – она решила полностью умолчать. Это её горе, это её проблемы, это её страдания. И делить их с самыми родными и близкими людьми – она не собиралась!

По – настоящему сильные и благородные человеческие создания, делятся только счастьем и радостью! По – другому она поступить, просто не могла. Не позволяла природная гордость!

Дикая усталость обрушилась на плечи, придавила тело к высокой спинке кресла, сковала руки и ноги, высушила, и без того сухие очи. Глаголать она была больше неспособна.

Но странно! На душе стало много легче! Как будто частички её горя, взяли на себя каждый из присутствующих: кто, сколько может унести, кто сколько может поглотить его своим сердцем. Тем самым освобождая в её душе место, где еще может поселиться любовь, надежда и вера.

Жизнь вновь приобретала светлые, радужные оттенки. Душа и тело вспомнили, что они еще молоды, что кровь жилах, еще не застыла. Захотелось петь и смеяться. Жизнь – продолжалась!

Воительница решительно тряхнула головой, стряхивая с тяжелых век усталость и шажками приближающийся, по – домашнему уютный сон:

– Братик! Сестренка! Нет повода для грусти – печали! Есть повод для веселья! Душа просит озорных песен и искрометных плясок! Уважьте свою названную сестрицу!

7

Было далеко за полночь, когда ушли последние гости. За столом остались самые родные, самые близкие люди: её семья – отец, Домна, Стояна и Настя. Семен, переполненный новыми впечатлениями, отбыл почивать.

Тяжелое молчание повисло над столом. Очи женщин были красны от пролитых слез. Так близко к сердцам они приняли известие о преждевременных родах, которые привели к гибели плода.

Отец хмурил брови и катали желваки на щеках. Попадись им сейчас под горячую руку, ставший скорбным на голову князь Роман – завидовать ему, после этой встречи, желающих было бы мало. Молчание нарушила баба Домна. Как – будто, что – то вспомнив, она запричитала:

– Совести у нас нет, окаянных! Нашей девочке, давно пристало щекой подушку давить, а мы тут с ней лясы точим! Ребенок, такой дальний путь в себя вобрал, сил, сколько затратил, а мы его разговорами потчует! Пора и честь знать!

Хозяин! Наливай нам по полной чаше. Выпьем на сон грядущий – и все на боковую! Глаголовать продолжать будем завтра, когда наша Найденочка силы восстановит! – Ольга счастливо улыбнулась: для них она всегда будет оставаться девочкой. Голенастой, в короткой поневе и широко раскрытыми, любопытными очами!

И мгновенно потянуло на сон. Икутар едва успел подхватить на руки, сползающее с кресла отяжелевшее тело дочери. Засуетились женщины, но она уже ничего не чувствовала: крепко, как не было уже многие луны – спала.

Сон пошел на пользу: Ольга встала отдохнувшая, повеселевшая и заряженная кипучей энергией. Наскоро позавтракав горячими, только что испеченными блинами и запив их приличной кружкой топленого молока, заспешила на встречу с отцом: планы построения торговой столицы княжества она решила обсудить в первую очередь со знающими жителями Игрецы.

Рабочее пристанище княжеского посадника находилось на Главной площади городища и было густо обсажено высоченными липами и пирамидальными тополями. Летом деревья надежно укрывали строение в тени своих листьев. Зимой же они служили местом гнездования стай крикливых ворон.

Городской голова, он же посадник, находился на своем рабочем месте. Помещение, в котором он занимался управлением всех сторон жизни Речных Ворот, почти ничем не отличалось от подобных, расположенных рядом с ним, где его помощники занимались каждый своим делом. Разве что выглядело несколько побогаче, да и размеры имела покрупнее.

Икутар сидел, нет, восседал в широком кресле за высоким столом из мореного дуба. Слева и справа, перед ним высились берестяные списки, сплошь покрытые рунами без всяких рисунков.

Время от времени он брал один из них, вчитывался в написанное, шевеля при этом губами. Затем долго смотрел в потолок, как бы раскладывая в голове, прочитанное, по полочкам.

Появлению дочери у себя в конторе, особо не удивился: скорее больше обрадовался. Суетливо передвинул тяжелое кресло от стены к столу, поближе подставил кружку и жбан с квасом. Из шкафа извлек деревянное блюдо с калеными лесными орехами.

Сегодня, по пути на работу, он мучительно рассуждал о том, кто ныне обитает в его тереме: Княгиня Ивельская? Великая Воительница? Или его приемная дочь? И как ему с ней общаться? Связать воедино три облика у него совсем не получалось.

После долгих раздумий, принял, как ему мнилось, единственно правильное решение: на людях она для него Княгиня, наедине – дочь! Но её незапланированное появление в конторе показало, что не все так просто. Вроде бы они сейчас одни, но сестра в свое кресло без её дозволения он почему – то не смеет! Ольга сразу догадалась о его затруднениях:

– Садись отец! Мне надо с тобой посоветоваться! И будь проще. Доверься своему жизненному опыту и в соответствии с его подсказками выстраивай наши отношения. Но знай: в первую очередь, ты для меня отец, а я для тебя – дочь. Все, как в былые времена! – Икутар кивнул головой и плюхнулся в кресло. Возникшее при встрече напряжение, стало понемногу спадать: рядом с ним сидела его дочь! Но стоило ей заговорить, как он вновь увидел перед собой всесильную Княгиню. Отмахнувшись от таких превращений, он приготовился внимательно слушать Княгиню – дочь. Ольга продолжила:

– Вчера, в своем рассказе, я вскользь упомянула о встрече с низкорослым народом, который не по своей воле, переселился на наши земли. Беда заставила!

Наши боги учат нас, как поступать в таких случаях. Надобно протянуть руку помощи и вызволить страждущих, на которых эта напасть свалилась! И мы обязаны это сделать! И мы это сделаем! Вот мой план, который надо притворить в жизнь: – Княгиня подробно поведала, о создании торжища, которое должно не только спасти подземный народ, но и принести выгоду всему Ивельскому княжеству.

О строительстве нового города рядом с торжищем, который в будущем должен стать торговой столицей, она умолчала. Большое дело – начинается с малого: прежде надо создать место, на котором будет выгодно торговать не только подземным обитателям и окрестным купцам, но и всем жителям княжества. Да и не Княгиня она, чтобы принимать такие важные решения.

Отец быстро оценил замысел своей дочери и сразу его одобрил. Будучи ответственным за жизнь и процветание родов, проживающих вдоль русла Ратыни и непосредственно возле Ручных Ворот, он видел несомненную для них выгоду. Сокращение вдвое пути до главного торжища, которое находилось в стольном городе – дорогого стоит!

В очередной раз подивился изменениям, которые произошли с его дочкой: раньше торговой и хозяйственной жилки он у неё не зрел. Одно слово – Великая Княгиня! Слово «бывшая» – он упускал.

– Задумка, конечно хорошая, нет слов! Но ты представляешь, какие средства нужно будет вложить, чтобы её исполнить? Выдюжит ли такую нагрузку казна княжеская и имеешь ли ты к ней доступ? Тут каждый грош на бересте посчитать надобно! – Ольга хитро усмехнулась:

– Считать, конечно, надо. Но уже сейчас я могу смело сказать, что средств на строительство достойного торжища, у меня достаточно, а в казну запускать руку – даже не собираюсь. Того, что мне отвалилось в меловом карьере, с лихвой хватит на дюжину таких строек!

Предлагаю, для начала, решить два самых главных вопроса: кто будет самым главным строителем, и кто возьмет всю ответственность за будущий центр торговли.

Нет смысла обсуждать, какими качествами должны обладать эти два человека. Эти люди должны быть славянскими богатырями, не имеющими права на ошибку.

Первого человека, который будет отвечать за все – я знаю. Это – ты! И не смей мне перечить! Я тебя знаю много зим и уверена, что лучше чем ты знаешь сам себя. Выполнение моей задумки, ты возьмешь под свое крыло. Других людей, способных выполнить мою волю – я не вижу.

Именно поэтому, я жду тебя завтра после обеда, с предложениями, как споро и краше мою задумку притворить в жизнь. Желательно прикинуть, хотя бы приблизительно, ожидаемые расходы.

Кого ты возьмешь к себе в помощники на саму стройку мне кажется, что я догадываюсь. Но не будем торопить время: если выбор сделаешь – приводи его к нам на подворье, на завтрашнюю вечерю. Вместе мы и начнем обсуждать порядок возведения торжища. Дать указание

Домне и Стояне, что у нас ожидается гость, я не забуду. – Ольга поднялась из кресла и набрала полную горсть каленых орехов. Икутар вновь подивился: только что перед ним сидела всесильная Великая Княгиня, а сейчас возле стола стояла любимая дочь Ольга. Чудеса, да и только! Как такое может быть?

– Пойду я восвояси, пожалуй. Не буду тебе мешать заниматься делами праведными. У тебя их всегда выше головы! – Не дожидаясь ответа, Великая Княгиня вышла за дверь. Икутар вдруг обнаружил, что он, сам того не желая, отвесил глубокий, земной поклон вслед уходящей дочери. Чудеса превращения – продолжались!

Буто́н, звонко цокая подковами по мощеной дороге, не спеша двигался к подворью княжеского посадника. Ольга про себя отметила, что молодежь Игрецы, когда – то выстилавшие двор полевыми цветами, в знак глубокого почитания боевых заслуг Великой Воительницы, – выполнили свое обещание. Замостили толстыми, дубовыми плахами дорогу, которая соединяла её подворье с Главной площадью. Все для того, чтобы её сапоги и копыта её коня не спознались с грязью во время ненастья.

Великая Воительница, грустно вздохнула: и двух зим после тех событий не минуло, а, кажется, что прошли многие десятилетия. Странная штука человеческая память!

Возле ворот, приплясывая от нетерпения, её поджидал названный брат Семен. Одет он был совсем не по сезону: легкая, суконная душегрейка, короткие, чуть ниже колен портки и деревянные башмаки на босу ногу. Посиневшими от холода губами, еле – еле выговаривая слова – молвил:

– Сестренка! Там в голубятне тебя ждет почтарь с берестой. Прилетел сразу, как ты уехала!

– Ольга поняла, что братик, боясь прозевать её приезд, не позволил себе покинуть свой пост у ворот. Даже для того, чтобы переодеться. На душе стало сладко. Крепко прижала его к себе и потрепала волосы, торчащие из – под заячьей шапки:

– Спасибо тебе братик Семушка! Неси голубя в мою светелку. Поглядим, какие новины от них к нам пожаловали.

Почтарь принес весточку из стольного города, от воеводы Демира. Прочитать руны, Ольге не составило труда: Демир был грамотным и общительным человеком, с хорошо поставленной речью.

Все новины касались князя Романа, и все они были безрадостными: с князем творилась беда. Его будто подменили!

В первых – он стал форменным затворником. После отъезда Княгини из стольного города, он заперся в княжеском тереме и на людях ни разу не появился и никого к себе не допускал. Обслуга доносила, что в тереме он не один. Возле него, безотлучно, находились трое бездельников из числа отпрысков богатых бояр.

Пирьы, больше похожие на обычную пьянку, продолжаются днем и ночью. Поварня валится с ног, таская в терем еду и питье, впавшим в запой собутыльникам.

Для большего веселья, с пристани притащили двух бляжких девок, которых пользуют по очереди. Роман, в плотских утехах с девками, участия не принимает. Для этого он использует одного из трех «товарищей» – Козьму, младшего сына, ныне покойного, купца Фрола.

Каждый вечер вся ватага ходит париться в баню, а после парилки, пьяные и голые, бегают в запуски по подворью.

Слухи, об их непотребном поведении, через охранников и поваров просочились в город. Постыдное поведение князя со сотоварищи, обсуждают в каждом кабаке, в каждой избе, на каждом перекрестке. У горожан зреет недовольство такими отвратными забавами князя. Слышен, пока тайный, ропот и среди гридей княжеской дружины: осуждают тебя за неожиданный отъезд и оставление княжеского стола без присмотра.

Посылали уговорить пьяную ватагу городского голову Фиадора, вместе с мировым судьей Архипом. Но их даже на княжеское подворье, по указу Романа – ногой не пустили!

Заканчивал свое послание воевода опасением: как бы ни пришлось поднимать дружину для наведения порядка, а это может грозить смутой. Дружки и сторонники у князя – были в наличии.

Послание Демира, очень встревожило Воительницу. Только этого ей не хватало: смута в родном княжестве из – за похабного поведения Романа! Других слов к его поступкам, она подобрать не смогла. Видно, головная болезнь слишком прочно укрепилась в его сознании и улучшений ждать не следовало. Начала зарождаться и вызреть мысль: отечество в опасности!

К черту обиды, к черту личные планы, не до них сегодня! На кону не только благополучие родной земли, но и само существование, сама жизнь княжества!

Прежде – никаких скороспелых решений принимать не стала. Сейчас ей требовались совет и поддержка земляков – единомышленников. Подумав, решила собрать их завтра, в пятницу. За день до запланированного пира.

Время, конечно, торопило, но к поспешным поступкам – не взывало. Ошибка в действиях, могла очень дорого обойтись. Семь раз отмерь – и только тогда режь!

Остро захотелось одиночества, уединения, которые позволяет мыслям очиститься от каждодневной шелухи и дает работать холодному разуму. Вывела из денника Бутона и поехала в сторону пристани. Подивилась: узкая укатанная колесами полевая тропинка, превратилась в мощеную булыжником серьезную дорогу. Лепота!

Не доезжая пол – версты до пристани, свернула на почти неезженую, покрытую ноздреватым снегом тропу, которая вывела её к бывшему жилью бабки Домны.

Судя по девственно чистому снегу на подворье, нога человека не ступала за калитку еще с осени. Ольга была первой, кто нарушил целостность снежного покрова. Так она думала до того момента, пока не подъехала к бане: дверь в неё была приоткрыта, а крыльцо испещрено следами. Одни человеческие, детские, другие – огромные, волчьи.

Без труда разгадала: волчьи принадлежат конечно Луке, а вот детские – вовсе не детские! Судя по глубине следа, ребенок имел вес взрослого человека, и имя ему было – дед Челак, леший! Хозяин Лукмышского леса. Нежить, к которой Великая Воительница питала глубокую, человеческую нежность и искреннюю привязанность. Надо признаться: дед Челак, несмотря на то, что не относился к роду человеческому – был для Воительницы более люб и понятен, чем многие обычные люди.

8

От предчувствия встречи, радостно забилося сердце: лешего не видела давно и сильно по нему скучала. Да и Луку она последний раз зрела, во время встречи с Доброгором!

Взглядом проследила, куда ведут следы от бани. Они напрямик тянулись к забору, который окружал подворье, и выглядели свежими, как бы сегодняшними. Куда далее они вели от забора, видно не было. Но это и неважно: все равно вернуться назад. Никуда не денутся. Без встречи с ней, Челак в лес не уйдет!

Засунула два пальца в рот и пронзительно, по – разбойничьи, засвистела. Если они недалеко, то должны, условный посвист услышать.

Услышали! Развернувшись совершенно в другую сторону, к затону, где в детстве любила плескаться Ольга, радостно и удивленно заржал Бутон. Видно учуял знакомый, волчий дух.

А вскоре, Воительнице открылась картина от которой её брови поползли на лоб: ровной иноходью к воротам приближался Лука. На его спине, как заправский всадник, восседал леший в расстегнутом, коротком полушубке. Но не это поразило Ольгу. Вровень с Лукой, нога в ногу с ним, следовала огромная волчица! Если она и была в холке пониже его, то ненамного.

Воительница, оставив Бутона, поспешила к ним навстречу. Но всадник на волке оказался резвее: оказавшись у ворот, он лихо спрыгнул с его спины и с радостными криками вбежал на подворье через открытую калитку. При виде Ольги поспешно и немного нарочито, склонился в поклоне:

– Приветствую тебя, за многие луны отсутствия, Великая Княгиня! Я уже стал забывать твой прекрасный лик и горделивую осанку! Уже не помню, как пахли меды, которые наливали в кубки твои суровые ручки. Подзабыл, как нежно касались твои губки, моей, заросшей нежнейшей бородой, щеки. Долгие времена мне некому было пожаловаться на жизнь и пролить горькие слезы отчаяния, которое я испытывал во время нашей разлуки. – Лесовик, как всегда был многословен, когда испытывал душевный подъем. Глядя на его лоснящееся лицо и вдыхая исходящий от него свежий аромат выпитого меда, в горести лесного владыки, совершенно не верилось! Чудил, как всегда, дед Челак!

Ольга подняла старого друга с колен и трижды облобызала его в обе щеки. Заглянула ему в васильковые, ясные очи:

– Дедушка, дорогой! А ты бы знал, как мне было хреново, без твоих сладких речей, без царапания моих губ об твою колючую, как шиповник, щетину! Часто, очень часто, заснуть не могла, не вдохнув медового перегара из твоих уст! Постоянно корила тебя за то, что забыл меня, водил хороводы с кикиморами и русалками! – Челак заржал так, что ему позавидовал, стоящий рядом Бутон:

– Ну, это ты зря, про русалок и кикимор! Старый стал я, привередливый! Воротит меня от запаха болотной тины и рыбных ароматов. Да и если я хожу к ним, то не затем, чтобы хороводы водить: они знают, что я парень занятой и к гульбищам нерасположенный. Сразу тянут меня в камыши, где подставляют для трудов праведных, свои рыбы, хвостатые задницы! Семь потов сходит, пока к ним пристроишься! Ног то у них нет, следовательно, и раздвигать перед моей богатырской гордостью и силой – им нечего! – Бутон снова, завистливо покачал головой. Так громко ржать – даже он был не в состоянии:

– Дедушка, ненаглядный! Немедленно едем ко мне домой. Баба Домна и отец будут рады не меньше чем я! Познакомишься с моими новыми родственниками, накроем стол и устроим пир на весь мир! Может, кто еще в гости нагрянет, а если сами не догадаются – приглашением вызовем. Радость у меня от встречи с тобой – великая! – Глаголя с лешим, не упускала из виду Луку и незнакому волчицу, которая стояла в пол – шага от него.

Неожиданно, лесной великан, обернулся назад к спутнице и коротко рыкнул. Волчица вильнула хвостом и направилась напрямиком к Воительнице. Подойдя к ней вплотную, серая спутница Луки потерлась носом о её плечо и вдруг завалилась сначала на бок, а потом перевернулась на спину, смешно раскинув в стороны ноги и бесстыдно представила обозрению, покрытый светлым подшерстком, живот.

Это был жест высшего доверия, которое она выказывала Ольге: брюхо у дикого зверя – самая незащищенная часть тела!

Воительница наклонилась и легонько, тремя перстами, почесала теплую кожу живота между крупными сосцами. Волчица, от ласки и удовольствия, даже смежила очи!

Наблюдавший за всем этим Челак, сбил заячий треух на затылок, и став похожим на лихого лесного ватажника, заметил:

– Молодец, Лука! За такое короткое время смог растолковать своей подруге, кто есть кто, и с какого конца счищают чешую с просоленной рыбы. – Ольга обернулась к лешему:

– И когда у нашего любимца появилась такая достойная пара? – Леший осклабился, выказывая ровные, один к одному зубы. С неприкрытой нежностью он оглядел, стоящих бок – обок своих лесных молодоженов:

– Тут ты Великая Княгиня зришь в корень, когда упоминаешь о достойной паре. Любовь у них приключилась совсем недавно. Помнишь твой поход на Земляные горы к подземному народу? Вот именно там он и встретил свою, далеко непростую, половинку.

Её судьба, чем – то схожа с твоей, Воительница. Она, также как и ты не помнит места своего рождения, своего рода, своего детства. Её воспоминания начинаются с того, что племя Доброгора, однажды обнаружило крупную, но сильно немощную волчицу, в одной из глубоких пещер Караньского хребта.

Накормили, обогрели, залечили язвы, которые сплошь покрывали волчье тело, а когда она оклемалась – нарекли именем Кора и отдали в услужение охотникам, которые ведали промыслом мяса и рыбы. Так началась её жизнь в племени подземных жителей.

Со временем, у неё открылся необычный дар: она могла взглядом околдовать, обездвижить и усыпить любое существо, в жилах которого течет кровь. Этот её дар стал большим подспорьем для охотничьей ватаги: теперь их единственной задачей стал поиск зверя. Остальное делала Кора. С тех пор недостатка в мясе – племя не знало.

Все изменилось после переселения подземных жителей в Земляные Горы. Воспользовавшись болезнью главы племени, добытчики решили, что бродить по лесам выслеживая зверя – затея хлопотная и не для них. Вдоль тракта, достаточно постоянных дворов, где птица и домашний скот есть в достаточном количестве, а у них есть – чудесная волчица!

Такой поворот дела Коре не понравился, но противиться она не могла: боялась вновь остаться в одиночестве. Если отказаться от такой «охоты», то её могут отлучить от племени!

Выход из положения нашелся сам – собой: неожиданная встреча с Лукой возле мостика через зловонный овраг – решила её судьбу. За ним она последовала ни минуты не раздумывая, чему были рады оба. – Ольга в изумлении оглянулась на своего любимца: Лука довольно улыбался, высунув розовый язык. Кара сидела рядом и преданным взглядом зрела на своего властелина. Глядя на пару, Ольга поняла, что их теперь никто и ничто не разлучит!

Появление на подворье посадника очень странной компании, которая добиралась до него всячески скрываясь от горожан, вызвало бурю неоднозначных чувств: неподдельную радость Икутара и Домны, восторг Семена и Насти и ужас, вперемешку с любопытством – бабы Стояны. Ольге пришлось приложить немало усилий, чтобы хоть как – то погасить всплеск необычных эмоций у своих родных людей. У неё это получилось!

С явным удовольствием приняв многочисленные объятия старых знакомцев Икутара и Домны и явные заигрывания молодого поколения – Лука и Кара удалились в заросли смородины и малины, которые давно облюбовал для себя Лука в прошлые посещения подворья.

Челак, получив свою порцию лобызаний, по приглашению раскрасневшейся Домны, отправился с ней застилать скатерть в трапезной, заметив при этом, что она прихватила кувшин с медом.

Семен и Настя, сразу потеряв интерес к происходящему, покинули терем и направились к зарослям, где волки устроили для себе лежку. Опасения в их душах не было: был жгучий интерес к лесным великанам.

Икутар, оставшись один на один с дочерью, с оттенком грусти в голосе поведал:

– Я, сегодня утром глагодал со старшиной пристани – Слудом. Он согласился на мое предложение возглавить строительство нового торжища. Лучшего специалиста и распорядителя – нам в век не найти. Жалко, конечно, забирать его с пристани. Он только – только освоился в этой ипостаси, сработался со всеми бригадирами и навел должный порядок в работе всех ватаг. Но другого человека, который сможет воплотить в жизнь твою задумку, я не знаю.

Вечером он навестит нас. Посидим за столом, посчитаем затраты, покалякаем с чего начинать. Как я понимаю, времени на раскачку ты не имеешь, и поэтому строительство будем начинать скоро!

– Правильно понимаешь. Затягивать работы – значит создать дополнительные трудности не только для малорослого народа, но и для наших местных жителей, проживающих вблизи Земляных Гор. Понятно ведь, что с уходом из их племени Кары, возможности для их охотничьей бригады, резко упали.

А кормить людей надо! Детей и стариков – голодными не оставишь. Значит грабежи наших соотечественников, со временем, резко возрастут. А это чревато обидой и мстью!

Получается, что промедление в строительстве, и для нас и для них – смерти подобно. Да и помнить надо, что ныне подземные жители, являются родом, который добровольно вошел в состав нашего княжества. Этим – все сказано! – Отец согласно покивал головой:

– Я мыслю точно также. Вот сегодня вечером, вместе со Слудом, все и обсудим. – Ольга усмехнулась:

– А знаешь, в том, что ты остановишь свой выбор на дядьке Слуде, я ни сколько не сомневалась!

За обсуждением будущего торжища, время летело незаметно: вечеря затянулась почти до полуночи. Хотя назвать вечерей то, чем занимались в трапезной собравшиеся, можно было с большой натяжкой. На еду и питье, внимания никто, почти, не обращал. Иногда, каждый себе, наливал темного пива из бочонка, поспешно осушал кружку и снова вклинивался в беседу.

К концу разговора, многие вопросы, которые требовали решений, становились прозрачными и переставали казаться неподъемными. Постепенно приходило понимание всей грандиозности затеи и трудности становились не трудностями, а обычными житейскими делами, с которыми они сталкивались ежедневно. А там, как говорится – очи бояться, а руки делают!

Каждый из присутствующих, старался внести свой вклад в способы решения вопросов будущего строительства: хозяин лесов, Челак, подсказал, где наиболее удобно валить лес нужного качества и при этом, обеспечивать быструю доставку его к месту стройки.

Слуд подсчитал: сколько ему необходимо ватаг лесорубов и плотников для бесперебойной работы. Городской голова с Ольгой, на бересте, каждый по отдельности, проставляли примерную стоимость каждой работы и необходимых материалов. Одним словом, к полуночи, каждый знал чем он будет заниматься уже завтра. На том совет был и окончен.

Утро началось с новостей. Названный брат Семен принес бересту, которую только – что доставил почтовый голубь. Послание было адресовано Воительнице и было писано рукой, оставшегося в Ивеле – «спеца» Якова. Величал он в нем Ольгу титулом «Великая Княгиня», что поначалу слегка удивила её, но прочитав его до конца, поняла, что проживание в отцовском доме, скоро закончится.

Яков докладывал, что за ней, в Игрецу, отправляется малое думское посольство во главе с Городским Головой стольного града – Фиадором. Цель посольства – вновь водрузить золотую корону на голову Великой Воительницы и вернуть Великую Княгиню на княжеский престол.

Причиной тому послужило бегство князя Романа, в неизвестном направлении, вместе со своим новым, ненаглядным дружкой – Козьмой.

Весть о бегстве, теперь уже ненавистного, бывшего властителя, всколыхнуло жителей стольного города: народ вышел на главную площадь. Стихийное вече продолжалось недолго и закончилось единогласным призывом: как можно скорее вернуть Великую Воительницу на княжеский трон, для дальнейшего правления.

Князя Романа решили не искать, а если он сам объявится, то гнать его взащей за пределы нашей земли. Такое единое волеизъявление, весь люд встретил с восторгом и ликованием.

Скорый выезд посольства за Великой Княгиней, тут же благословили волхвы, признав такой исход, угодным для наших богов.

Княжеское подворье взяли под стражу и охрану, назначенные для этого, «спецы» Якова. В сами хоромы, приказано никого не пускать.

Есть еще новины более тревожные, которые добыла разведка «спецов», но о них он доложит при личной встрече.

На этом послание её верного воспитанника и будущего руководителя специальной службы Якова, заканчивалось. Неопределенность, возникшая после её добровольного отказа от княжеского стола и вынужденного отъезда из Ивеля – канула в лету! И это принесло кое, – какое облегчение израненной и измученной душе Великой Воительницы. Так уж устроен человек: стоит в его ближайшей жизни появиться четкой определенности и он становится другим: устремленным и целенаправленным!

Что за вести, которые принесли Якову его разведчики и чем они вызывали тревогу, она пока не знала. А это вызывали нешуточное беспокойство. Нутром чувствовала: ничего доброго они не обещают, и что надвигается новая напасть, надвигается новая гроза. Знать бы, что она несет! От того зависят шаги, которые ей предстоит предпринять в будущем,

9

Выйдя из терема на крыльцо, Ольга поразилась изменениями в природе, которые произошли за ночь. Вовсю звенела капель, срывающаяся с заметно похудевших сосулук. Снег совсем потерял свою белизну и свежесть: стал ноздреватым, неровным и серым. Сугробы, высившиеся вдоль хоженных тропинок, оплыли, уменьшились в размерах и своими очертаниями стали напоминать Земляные Горы. Плюс ко всему – ясноликий Ярила, посылающий тепло с лазоревых небес всему живому на земле. Лепота!

Ольге остро захотелось сбросить надоевший за зиму полушубок и прямо сейчас вспарить в прозрачное, по – весеннему ласковое, синее поднебесье. Но разум подсказывал, что полеты в небеса, необходимо отложить на более позднее время: слишком много дел было на грешной земле.

Утром, за завтраком, она поведала домочадцам о предстоящей скорой разлуке. Особо не распространяясь в подробностях, открыла новины, которые дошли до неё из стольного города. Сказать, что вести сильно огорчили её близких – значит, ничего не сказать! Женщины: Домна, Стояна и Настя, спешно потянулись к носовым платкам и принялись промокать ими, вмиг повлажневшие очи.

Мужчины – отец и Семен, отяжелели лицами и хмуро стали изучать узоры на вышитой скатерти. Затянувшееся молчание, прервала причитаниями Домна:

– Да что это за жизнь? Ни минуты покоя от неё бедной девочке! Сами не могут спокойно жить в своих столицах и ей не дают. Напортачат, накуролесят в своих деяниях, а разгребать их мусорные ямы, приходится нашей касатке!

Не ехай, внучка, в это гнездо греха и разврата: пусть сами у себя разбираются, И корона княжеская нам непотребна. Жили мы столько без неё и еще сто зим проживем. Не ехай: вот мое твердое слово! – Икутар поднял от скатерти очи:

– Неверно глаголешь, Домна! Хотя, как отец, я тебя понимаю и поддерживаю. Но только, как отец! А вот, как воин и как защитник отечества, я мыслю совсем даже не так. – Понизил голос почти до шепота и медленно, с грустью выстраивая слова, продолжил:

– Не принадлежит нам ныне наша ласточка. Да и самой себе она не принадлежит! Забрала её к себе, наша отчизна, земля славянская, на веки – вечные и никогда уже не отпустит! Да и сама наша дочь никуда от неё не уйдет, пока жива будет.

Выпадает, некоторым, такая судьба – судьбинушка – Родину святую, свой народ от клятого врага, от смуты черной защищать и никуда ты от неё не денешься. Судьбу ведь, ты сам себе не выбираешь: это она отыскивает и входит в тебя, как длань входит в боевую рукавицу, а её просто так не стряхнешь, не сбросишь!

Наш же с вами удел – всеми нашими силами души и тела, по возможности, поддерживать нашу дочь. Окружать её любовью и заботой во время коротких встреч. Остальное время – ждать и молиться нашим богам за её благополучие и счастье!

Это мое слово, Великая Княгиня! Но ты сама вольна принимать решение, и никто тебя за него, судить не вправе! – Ольга крепко сжала зубы: боялась разрыдаться на очах у родных людей. Вот ведь, такие простые слова, сказанные простыми людьми, а сколько в них нежности, любви и понимания! Горящим, сухим взглядом обвела самых близких ей людей и молвила:

– Спасибо вам за все, мои родные! Пока жива, я никогда не забуду ваших слов и вашего участия! Клянусь вам самой торжественной клятвой, что даже при малой возможности, я буду стремиться к вам в отчий дом, за семейным теплом и поддержкой! – И быстро вышла на крыльцо. В нос хлынули запахи пришедшей весны. Дышала вздох так, что у неё легонько начала кружиться голова – и не могла надышаться!

Природа начала свой бесконечный годовой цикл возрождения и с ним вместе Великая Воительница почувствовала, что в неё вливается ненасытная жадность к жизни, тает равнодушие к своей судьбе и судьбам окружающих её людей.

Что держит наплаву ладью али струг? Равновесие, которое царит на судне! Если даже где – то вода себе путь отыщет, всегда можно так стать, чтоб она у борта собралась, где её и вычерпать можно!

Жизнь – тоже плавание! Есть команда – есть равновесие. Нет – спасайся кто, как может! У неё была команда, готовая всегда вычерпать воду и оставить судно наплаву! Это и есть её опора, её тыл, её якорь, который намертво привязал её к родному берегу родной земли.

От забурлившей крови, зарозовели мочки ушей, набухли груди и затвердели их соски, лоно напомнило о себе, тоской об мужской ласке. Легкое жжение и покальвание, сменяя друг – друга, поселились в кончиках перстов. Хотелось громко петь и беспричинно смеяться.

Великая Княгиня, наконец – то, вышла из густого, сумеречного мрака и вновь явила себя белому свету!

Начинался новый этап в её жизни и это её очень радовало. Какой он будет – она не знала. Но, по большому счету, это её совершенно не волновало!

В горнице Ольги кипела работа. Она с отцом, взявши в руки бересту и писало, повторно считали и заносили расчеты расходов, которые потребны на строительство торжища. По всему выходило, что они не так уж и огромны. Главной статьёй расходов, была оплата за работы ватагам плотников, лесорубов и возчиков. Лес для строительства был дармовой: он и так принадлежал Великой Княгине. Продавать его самой себе или отцу – даже не смешно!

Были, конечно, еще и другие расходы, но за незначительностью, их во внимание не принимали. При том золотом запасе, которым она теперь обладала – очень многое можно себе позволить!

После легкого обеда, Ольга уединилась с отцом и передала ему все золото, которое она захватила с собой из Ивеля. Хватит на все строительство, еще и останется! Остатки она разрешила посаднику использовать по своему усмотрению.

Бороться с желанием, вновь ощутить восторг полета, уже не было мочи и Воительница, не привлекая внимание охраны, но особо и не таясь, вывела из денника Бутона и направилась к бывшему жилищу Домны. Десять воинов – «спецов» из личной охраны, держась в сотне саженей, увязались за ней. Их действиям Великая Княгиня не препятствовала.

Заехав на подворье, привязала коня возле крыльца, а сама направилась за баню. Быстро сбросила короткий тулупчик, шапку и, оставшись в кожаной, подбитой мехом безрукавке – переместила меч за спину, пристегнула ножны боевого ножа к бедру и осторожно выглянула из – за стенки. Охрана беспечно расположилась вдоль забора, возле ворот и зреть Княгиню, в этот момент, никак не могла. Явная оплошность, за которую десятник получил бы приличную выволочку от Ратищи, будь он здесь, но Воительницу, эта ошибка охраны – устраивала.

Сложила длани под грудью, переплела нужным способом персты и легонько оттолкнулась от земли. Восторг полета мгновенно хлынул в душу. Скрываясь от очей «спецов» за банным строением, она низко, не более сажени от земли, направила свой полет к лесочку, где когда – то Икутар обучал её воинским премудростям.

При подлете к опушке – резко взмыла вверх, оставив между собой и вершинами деревьев не более трех саженей, увеличила скорость до разумного предела, полого и постепенно набирая высоту.

Восторг полета пузырил кровь: снова захотелось смеяться и громко петь, но она воздержалась. К чему привлекать к себе внимание людских очей, если таковые, случайно окажутся свидетелями её полета? Вот именно!

Внизу показалась укатанная лента Ивельского тракта, и она полетела вдоль него, в сторону стольного города. Дорога, пробитая среди вековых, высоченных сосен была прямой, как стрела и просматривалась на несколько верст в обе стороны. Сейчас она была пустынной: ни пешего, ни конного, она на тракте не узрела.

Поднялась сажень до ста и еще увеличила скорость, чтобы в полной мере насладиться полетом. Ветер свистел в ушах, расплетая с вечера уложенные волосы, выдавливал из очей обильные слезы восторга и холодными волнами заполнял грудь. Лепота, напитанная детским, щенячьим восторгом!

Выплыл и тут же убежал назад первый, самый близкий к Игреце, постоянный двор, на котором возились с санями двое мужиков. В лазоревое небо они не вглядывались (с чего бы в него смотреть?), поэтому полет Воительницы остался незамеченным.

Верст через сорок, она поднялась еще выше, сажень на двадцать, и замедлила полет, растягивая удовольствие. Тракт, по пологой дуге, сворачивал на восход, что значительно уменьшало передний обзор для Ольги. Издавна, эта дуга, среди торгового народа, звалась «поворотной». Дорога теперь просматривался не более чем на пол – версты, но это не помешало ей вовремя заметить небольшой обоз из трех саней – кибиток и мельтешение людей – муравьев возле него.

Воительница остановила полет и неподвижно зависла в воздухе, всматриваясь в происходящее на дороге. Через мгновение она поняла, что впереди идет настоящий бой. Десятка полтора мужчин, сомкнувшись в плотную группу и выставив вперед копыя, отбивались от наседавших со всех сторон людей, вооруженных мечами и топорами, насаженные на длинные рукояти. Нападавших было значительно больше: не менее четырех десятков.

С обеих сторон уже были потери. Защитники стаскивали своих убитых и раненых товарищей в центр своего круга. Нападвшие – оставляли своих на снегу: там, где их достали копыя.

Для Воительницы, открывшаяся картина, была предельно ясной: торговый обоз подвергся нападению лесных, лихих ватажников. Кто защищается, и кто нападает – сомнений не вызывало.

Ольга отодвинулась на обочину и полетела к месту схватки, огибая кроны могучих сосен. Меч переключал со спины в десницу. В шуйце был зажат боевой нож. К драке она была готова!

Тем временем, картина схватки резко изменилась: из леса на гнедой лошади объявился главарь лесной ватаги, а за ним – еще с десятков пеших татей с луками в руках. Нападавшие до того разбойники, схлынули назад, освобождая простор для лучников. Обозники потянулись за щитами.

Воительница закусила губу: щит с такого малого расстояния – не защитит от стрел! Несколько дружных залпов и через малое время из обозников в живых не останется ни одного!

Ольга рванула к месту схватки, и как снег наголову, свалилась на изготовившихся к стрельбе лучников. От испуга, гнедой шархнул в сторону, выбросив из седла, не ожидавшего ничего подобного, главного ватажника. Пролетев пару сажень, он со всего маха врезался в твердый наст и завизжал раненым зайцем.

Лучники, одновременно, обернулись на визг предводителя и у них, от удивления, отпали челюсти: перед ними, вместо жоака, стояла красавица в кожаном одеянии, с распущенными до плеч светлыми волосами. В одной руке свалившейся, как – будто с небес девы, голубой молнией сверкал меч, в другой – угрожающе зажат внушительный боевой нож. И от неё, явственно, исходила холодная волна угрозы неминуемой смерти.

Несколько стрелков начали разворачивать луки, с вложенными в них стрелами, в сторону страшной, взявшейся ниоткуда, красавицы незнакомки. Но было уже слишком поздно: через мгновение – они все умерли. Все до одного!

Узрев такое непотребство, ватага, вооруженная топорами, кинулась поквитаться с виновницей гибели своих поделщиков. Но сделать это, организованно и одновременно, не смогли:

нападавшим мешали длинные, до пят тулупы, которые они не удосужились скинуть перед схваткой. И столкнулись они с ужасной фурией, изголодавшейся по лихому рукопашному бою! Многие почти сразу поняли, что это последний день их жизни. Женщина с распущенными волосами, была страшнее самой смерти: она, как косою косила нападающих, на мгновение исчезая в одном месте, чтобы тут же объявиться в другом. И всюду она несла погибель!

В тыл нападающим, придя на помощь Воительнице, ударили обозники, но она в ней не нуждалась. Бой был закончен в самое короткое время: кто не бросил оружие и не упал на колени с поднятыми руками – был повержен насмерть. В живых осталось всего шесть придорожных татей!

Воительница отбросила непокорную прядь волос с лица и отметила, что она за время схватки даже вспотеть не успела. Обвела взглядом столпившихся перед ней ватажников: из десятка молодцов, только одно кудлатое, побитое оспой лицо, показалось знакомым. А когда и где она встречалась с ним, память не подсказывала:

– Чьи вы будете хлопцы? Откуда и куда путь держите? Что с вами приключилось – не спрашиваю. И так все понятно! – Поспешно, за всех, ответил тот самый, малознакомый, молодой детинушка:

– Бобрами нас кличут, соседи мы твои, Княгиня! Путь наш пролегает от стольного города, до нашего поселения под названием – Бурта. Вертаемся с ярмарки с малыми товарами, что на торжище приглянулись, а тут, в конце пути, такая незадача!

Спасибо тебе, Княгиня, за своевременную помощь, могли бы и все здесь полечь! Луки то наши, в обозе остались, а щитами от стрел, на такой близости – не укрыться! Вовремя ты из леса появилась! – Ольга поняла, что обозники прозевали момент её появления с небес: но перечить им не стала:

– Пустое! Не стоит благодарности. Я только вышла на опушку и сразу узрела беспредел, который сотворили лесные супостаты. Вот и решила вмешаться! – Вытерла меч и боевой нож, сначала о снег, затем о тулуп, одного из поверженных разбойников. Вернула их на место, окинула взглядом недавнее поле битвы и продолжила:

– Повелеваю! Приберитесь здесь: полонян свяжите, убиенных предайте земле так, чтобы зверье до них не добралось, и следуйте далее. По прибытию в Игрецу, жду вас всех на дружинном подворье. Там и обсудим подробно случившееся и допросим всех пленных.

Да! И не забудьте подобрать главного ватажника, которого выбросил из седла его конь. Его вяжите в первую очередь!

А мне пора! Провожать меня не надо. Дорогу к дружине, что ждет меня в лесу недалече – я хорошо знаю. Не заплутаю! – Резко развернулась на каблуках и, не оглядываясь, направилась к близкой опушке леса. Придумка про дружину, которая ждет её в лесу, Ольга мысленно одобрила: негоже переубеждать обозников, которые «зрели», что она из чащи объявилась.

10

По рыхлому, усыпанному сосновой хвоей и шишками снегу, в лесу передвигаться было непросто. Но Воительница мужественно удалилась от опушки, саженой на пятьдесят и только тогда остановилась перевести дыхание.

От густого, напитанного хвойным ароматом воздуха, немного кружилась голова. Острой занозой сидел вопрос, к которому Ольга никак не могла найти ответ: где она встречала ватажника, с которым недавно она глаголала? Память отказывалась прийти к ней на помощь. При чем была уверена, что встречала она его недавно, не позднее пяти – шести лун назад и негде – ни будь, а стольном городе! Уж очень прочно сидел в памяти его бархатный голос, так несоответствующий, побитому оспой лицу.

Уверенная, что с тракта её никто не заметит, с этой мыслью она вновь поднялась в воздух и полетела, почти касаясь вечнозеленых крон сосен. День близился к вечеру, и пора было возвращаться домой.

Лента тракта стала раскручиваться в обратном порядке: дорога под ней была пустынна. Впереди показался постоянный двор, когда в голове полыхнуло: память, наконец, отозвалась!

Она вспомнила и это побитое оспой лицо, и бархатный говор: кудлатый здоровяк в клетке смертника, которого мировой судья Архип приговорил к повешению, за убийство отца малолетней шлюхи! Уроженец Смиглых болот, любитель женской ласки! Она еще, своим указом, помиловала его, заменив казнь каторжными работами на меловом карьере.

От поразившей её мысли, Ольга остановила полет и неподвижно зависла над трактом: какое отношение имеет к роду Речных Бобров, выходец из Смиглых болот? А ведь он так и назвался и молвил, что он житель их поселения – Бурты! Что – то здесь ни так! Речные Бобры, отродясь, проживают на Ратыне, по соседству с их городищем – Игрецей и Смиглых болот никаким боком не касаются!

Воительница заложила крутой вираж и, набирая скорость, полетела назад, к месту, где совсем недавно, произошла стычка с лесными разбойниками.

На тракте сиротливо стояли три кибитки, уперев в небо, словно рога, освободившиеся от лошадей дышла. Ольга плавно сделала круг, осматривая местность. На обочине, рядом с трактом, ровными рядами были уложены погибшие в схватке разбойники. Возле первой кибитки – пятеро тел убиенных обозников: они отличались одеждой.

Оставленные Ольгой для приборки охранники обоза, лежали возле последней кибитки. Мертвые! Возле них она и опустилась на землю.

Картина представлялась такой: «Кудлатый», со сотоварищи, собрали всех погибших и занимались возведением погребального костра. В этот момент на них, неожиданно, налетела третья сила, которую они не ждали и к встрече с ней готовы небыли. Шестеро из обозников, были убиты стрелами с черным оперением. Трое – мечами или ножами.

Кудлатый и здесь отличился: в шее у него застряла стрела, а в груди зияли две колотые раны. Все погибшие обозники находились в одном месте. Там где они стаскивали дерево для костра. И ни одного трупа нападавших! Значит, нападение было настолько неожиданным, что обозники даже не оказали сопротивления.

Воительница перешла к кибиткам. Если нападавшие их и грабили, то на первый взгляд это было незаметно. На дне каждой кибитки справно, в один ряд, были уложены небольшие мешки, деревянные ящики и беспорядка не наблюдалось. Загрузка возков, составляла самую малость и при желании, в них можно было уложить, три раза по столько.

В ящиках, Ольга обнаружила всяческую простую, кухонную и столовую посуду. В нескольких из них – небольшие отрезки грубой материи. Та же картина и в остальных возках.

В холщевых мешках – связки мягкой рухляди: в основном это – недорогие шкурки белок, зайцев и водяных крыс. Одним словом – особой ценности обоз не представлял. Устраивать за него настоящее побоище могли только люди, которые не знали, что в нем перевозят.

Или наоборот: имели сведения, что в нем большие ценности, а их, почему то, там не оказалось! Грабить такой обоз с таким товаром, никакого смысла не было.

Всем своим нутром Воительница чувствовала, что эта перевозка окутана какой – то тайной, но разгадать её – пока была не в силах!

Еще раз обошла и внимательно осмотрела сани – кибитки, но ничего нового не обнаружила. В последний раз оглядела место побоища и поднялась в сереющее, предзакатное небо. Теперь только домой и желательно – без всяких остановок! Хотелось поесть и залечь под меховое покрывало: к телу, начал пробираться вечерний холод.

На небосводе начали проявляться первые звезды, когда она подлетела к домному подворью. Еще издали заметила свет многих факелов, рассыпанных вокруг бани. Догадалась сразу: ищут меня или следы, которые я оставила, перед тем как исчезнуть. Но кроме Бутона и моего тулупчика, ничего не найдут, а они им мало что расскажут. Если это моя охрана, то придется объясняться с Ратищей. Правду я сказать ему не могу, а врать и изворачиваться, Великой Княгине – негоже и стыдно!

Мягко приземлилась в сотне шагов от ворот. С удовлетворением отметила, что её прибытия, никто не зрел. Войдя в открытую настежь калитку, сразу натолкнулась на двух своих «спецов», стоящих к ней спиной с факелами в руках:

– Кого или что ищите, воины? Кого или что потеряли? – «Спецы» резко и одновременно обернулись на голос. Свет факелов упал на Воительницу. Один из них вскричал во весь голос:

– Княгиня! Откуда ты здесь взялась? – Второй поддержал товарища:

– Мы в версте, по кругу, в поисках тебя каждую травинку, каждую кочку, носом обнюхали! Под каждый куст, под каждый камень – заглянули! Нет тебя нигде! А ты – вот она, перед нашими очами: жива и здорова! – Заслышав их восторженные возгласы, от бани напрямки, спешил Ратища с факелом тоже в руке. Еще не добежав, заревел:

– Великая Княгиня, ты, где запропала? Уехала под тихую из городища, никого не известив, разве так можно? Благо тебя люди узрели на Бутоне и направление твоего пути мне выказали!

Я тут же послал вслед за тобой два десятка охранников, чтоб за тобой проследили! А через малое время, от них прибыл гонец: Княгиня исчезла! Зашла за баню и исчезла! Бутон – на месте. Тулуп – на месте, а её самой – нет! Толи провалилась сквозь землю, толи в воздухе растаяла, следов никаких не оставив.

Я поднял всех своих спецов, и скорее на это подворье. Охрана, которую я ранее отправил за тобой, клянется и божится, что ты ушла за баню и оттуда не выходила. Отсутствовала там долго и они заволновались. Пошли проверять, а там только Бутон и твой короткий полушубок.

Спецы на своих товарищей, которые были в охране – окрысились: не верят, что они достойно за тобой бдели. В горячке, кой – кому, по мусалам насовали: не могла же ты в воздухе раствориться! Значит, прозевали, когда ты из – за бани удалилась. Кинулись следы искать, а их тоже нету!

Вот тут и началась у наших спецов паника! Требовали от меня, чтоб я всю малую дружину и все население Игрцы, по набату поднял. Еле их успокоил! Велел искать тебя или твои следы, не только на подворье, но и по всей округе.

Но все это было бесполезно! Я уже начал к их требованиям прислушиваться: еле сдерживал себя, чтобы в набат не ударить!

А тут ты, слава нашим богам, из ниоткуда на подворье появляешься. Разорвал бы тебя на куски, если бы была моя воля за такие твои шуточки! – Даже при свете факелов, было

заметны всполохи гнева в очах верного Ратищи. Его заметно трясло от пережитого ужаса, поэтому он не говорил: он кричал!

– Княгиня, ответствуй мне, каким образом ты исчезла из подворье и где половину дня пропадала? Почему мы все должны сходить с ума, в безуспешных твоих поисках? – Голос у Ратищи сорвался от напряжения, и он тяжело закашлялся. Ольга шагнула вплотную к нему:

– Сотник, мне кажется, что ты забываешься! Ты у кого отчета требуешь? Где это видано, чтобы сама Великая Княгиня, против своей воли, отчет перед своим дружинником держала? Я что, не вольна в своих действиях? Или я еще сопливая, безмозглая отроковица?

Тебе поручили мою охрану, вот и охраняй! Опекать меня – тебе поручения не было! И еще запомни на будущее: я ответна только перед богами и перед народом княжества. А ты, ни тем, ни другим – пока еще не являешься! – Голос Великой Воительницы звенел, от переполнявшего металла, от настоящего гнева. Ратища посунулся назад, как – будто его окатили ведром талой воды. Поник, скукожился, как бычий пузырь в детских забавах когда из него выпускают воздух. Рванул с себя боевой пояс с оружием, накиннул его на шею, опустил на колени и поник головой.

Раб богини вернулся с небес на грешную землю и занял подобающее ему место. Положение тела, выбранная поза – на то указывало. Воительница смилостивилась. Металл в её голосе пропал:

– Собирай своих спецов, сотник. Не время предаваться душевным мукам и печали! Завтра, поутру, отправишь отряд, числом в пятьдесят гридей, на дальний конец «поворотной» дуги. Там они найдут малый обоз, который пограбили лесные тати. Обозников всех побили, но и они нанесли ощутимый урон разбойникам. Да такой, что они не смогли забрать кибитки с товаром.

Пусть там наши спецы приберутся по божеским законам и заберут брошенные лесными ворами кибитки, числом три. Учти: возки без лошадей и ты этим тоже озаботься.

Товара в них мало и ценности он небольшой. Все, что привезут наши люди – сдадите на дружинное подворье, старшине Вяхирю.

А теперь – все по домам! – Тронула Бутона и выехала за пределы домнинского подворья. По пути домой, из головы не выходили странности разгрома торгового обоза, особенно встреча с «кудлатым» женолюбом и его попытка выдать себя за выходца из племени Речных Бобров.

До своего дома пути было – всего ничего, поэтому никаких разумных мыслей в голову не пришло. Решила отложить это занятие на более благоприятное для раздумий время.

Въехав на подворье – отдала Бутона на попечение Семена, а войдя в терем – обнаружила в трапезной отца в компании Михея, Слуда и бочонка пива. Ольга сразу направилась к ним. При её приближении мужчины встали и приветствовали стоя. Икутар поставил еще одну кружку на стол:

– А мы тебя дождаемся. Слуд сегодня рано утром вернулся со стройки, немного отдохнул с дороги, и явился к тебе с докладом. Мы с Михеем его выслушали, а теперь твоя очередь услышать новины и порадоваться. – Воительница присела на скамейку и задала вопрос не касающийся стройки:

– Дядька Слуд, ты по пути домой, ничего странного не зрел? – Слуд удивленно покачал головой и развел руками:

– Ничего, хотя по сторонам зыркал постоянно. За всю дорогу ни одной живой души не встретил. Пуст тракт, как сусеки в голодный год под весну. – Ольга смекнула, что разграбленный обоз к месту нападения двигался за ним следом, поэтому и остался незамеченным:

– Ну и ладно! Давай, ведай теперь о стройке!

– Долго я пока глаголать не в силах: слишком мало времени прошло с её начала. Но твердо могу заявить, что дело с мертвой точки уже сдвинулось!

Докладываю по порядку: ватаги лесорубов, возчиков и плотников, к месту строительства, прибыли все и полном составе. Площадь под будущее торжище расчистили от кустарника, спрямили от ям и горок и разметили колышками.

Поставили на ней шатры для проживания плотницкого люда и возчиков. Лесорубы сразу ушли в указанные тобой леса и там разбили свой лагерь. А через два дня, уже прибыл первый обоз с кругляком, и работа закипела!

Три бригады зачали распускать кругляк на брус и доски. Две – тем брусом и горбылем мостить торговую площадь. Все работают споро и ладно, особо смотреть и подгонять – не надобно.

Мотыль и хозяйева близких постоянных дворов, прознав про твою затею, пригнали дополнительные возы с возчиками для доставки леса с делянок. Сразу смекнули про свой интерес и поэтому даже от платы отказались!

Надысь, отлучился я от стройки и съездил на лесоповал. И подивился: хорошую дорогу проложили возчики! Топкие места накрыли гатями, через два ручья перебросили крепкие мостки. Поездка по ней – не хуже чем по тракту!

И на делянках работают справно: рубят под самый корень, обрубленные суки и ветки тут же сжигают, а золу разбрасывают, чтоб молодняк рос вящее. Зело это по хозяйски! А иначе не можно! Главный их ватажник – вожак крутой: что не так – зубы по всей делянке рассыпаются.

А далее, я должен повиниться перед тобой, Великая Княгиня! Самоуправством занялся, моему чину ненадлежащему. Но все по порядку: на другой день после посещения лесосеки, ко мне явились трое мужиков из селения Норы, что находится в семи верстах от строительной площадки, с челобитной.

Просят пустить их с семьями на земли делянок, что освободились от леса. Обещают, своими силами выкорчевать оставшиеся пни, и распахать землю под посевы и поставить просторные избы.

Жить на этих землях будут постоянно и сами и их дети, когда семьями обзаведутся. Кормится, будут с земледелия, охоты и рыбной ловли.

Долго я вел беседу с ними и после помыслил, что надо поддержать их задумку. Мужики все с большими семьями, основательные, не вертопрахи. Земля, освободившаяся от леса – жирная, а значит плодородная и урожайная. Рядом полноводный ручей протекает, не уступающий шириной и глубиной некоторым речкам. На нем можно запруду поставить и в разливе разводить водоплавающую живность. Пусть строятся и крепкие хозяйства создают! Глядишь, в будущем, еще кто рядом поселится: свободной земли там – на пять сотен обширных подворий, а то и больше.

Вспомнил я твой разговор о планах закладки торговой столицы, и взял на себя смелость, пустить на землю, первых жителей нового града! Но если я не прав и допустил самоуправство – ты только скажи и я швыдко отменю свое решение: пусть ищут себе другое место для проживания. – Ольга встала, молча, обняла своего начальника строительства и расцеловала его в обе щеки:

– Ничего отменять не надо, славный дядька Слуд. Ты поступил мудро, разумно и дальновидно. В соответствии с божескими законами!

Более того! Окажи всяческую помощь переселенцам, помоги в строительстве жилья деревом, пиломатериалами, плотницким трудом и опытом. Без всякой платы! Ничего для них не жалея, если будешь видеть, что твоя помощь им – в коня корм. Не обеднеем! – Еще раз обняла и еще раз расцеловала своего верного подчиненного. Делая вид, что не замечает счастливый румянец на его щеках и увлажненные благодарными слезами очи.

11

Утром другого дня, в сопровождении сотни Дороша, в Игрецу прибыло боярское посольство, во главе с Городским Головой Ивеля – Фиадором.

После положенных приветствий (от завтрака, члены посольства отказались), Ольга пригласила всех прибывших бояр в просторную трапезную терема городского головы. Подождала когда все удобно рассядутся по лавкам и без всяких предисловий молвила:

– Уважаемая посольство! О цели вашего приезда, я предупреждена своими верными людьми, которые остались в стольном городе. Поэтому долго глаголать не будем: я согласна вернуться на престол княжества Ивельского и далее править народом нашего славного государства! Негоже, в наши нелегкие времена, оставлять княжество без головы!

Но одной мне, с этой почетной ношей, справиться будет вельми тяжко. Без вашей помощи и поддержки всех жителей нашей отчизны, боюсь, что с такой тяжестью в одиночку мне не сладить! Предлагаю поступить так: по возвращению в столицу собрать народное вече, на котором вы все присягнете в верности и послушании, по всем законам и правилам – мне, Великой Княгине Ольге! А я дам клятву вам, моим подданным. Словами, которые мне подскажет Верховный Волхв и которые я изыму из самого моего сердца! – Гул одобрительных возгласов до отказа наполнил трапезную. Бояре встали и склонились в земном поклоне.

Городской голова Фиадор, на втянутых руках, нес золотую корону Великой Княгине. Повторное восхождение Великой Воительницы на княжеский престол – свершилось!

Оставалось провести необходимые и соответствующие восхождению на трон условности, но дело это уже не меняло!

Отъезд из речных ворот решили отложить до пятницы. За оставшиеся два дня, Великая Княгиня надеялась полностью закончить все дела, которые были связаны с Игрецей. Помимо этого была еще одна причина, по которой она откладывала отъезд: очень не хотелось расстаться со своим семейством.

На подворье посадника Икутара – поселилось горе и уныние. Перестал звенеть веселый смех Семена и Насти. Неприлично громко зачала шаркать ногами по полу, главная хозяйка подворья – Домна. Неожиданно, вспомнил о неотложных лесных делах, леший Челак. Утром, встав с постели, Ольга узрела его стоящим возле ворот с котомкой за спиной. Рядом – народившаяся волчья семья: Лука и Кора, с опущенными долу головами.

Воительница поняла: близкие, как и она, тяжело переживают скорую разлуку и стремятся, как можно скорее, разрубить тягостный узел расставания.

А способ здесь был один: быстрее покинуть гостеприимное подворье. Что они и делали. Продолжать жить под одной крышей, значило удлинять пытку расставания. А так – уехал, ушел, занялся необходимыми делами, что позволяло отвлечься от предстоящей разлуки и тем самым, уменьшить нынешнюю, постоянную душевную боль.

Это понимание подсказала Ольге линию поведения: обняла, облобызала деда Челака, прижалась к жесткой шкуре Луки и чмокнула его в холодный нос, ласково потрепала по загривку Кору. И все!

Резко развернулась и, не произнося ни единого слова, скрылась в тереме. Как провожали остальные домочадцы лесных жителей – она смотреть не стала.

Очи были сухими, мысли ясными и устремленные на возвращение в стольный город. Она с удивлением отметила, что нервы значительно укрепились, а душа, постепенно, обрастает шерстью. Пока еще – в хорошем смысле.

Перед вечером пришла неожиданная весть от Армяков. К ним прибыл гонец из степей с известием, что скончался хан племени Секуртов – Туран.

Участвуя в зимней охоте на волков, конь могущественного хана, на полном скаку, провалился ногой в звериную нору. Туран не усидел в седле, неловко покатился по стылой земле и сломал себе шею.

Место предводителя степных кочевников, занял его старший сын Догмат, когда – то поклявшийся страшной клятвой на собственной крови, извести Великую Воительницу. Никак не мог простить Ольге разгром степного войска в битве на Игрецкой пристани и взятие отца в плен!

Клятва так и осталась невыполненной, после того, как по настоянию Воительницы, хан Туран, живой и здоровый, был выпущен восвояси. Но от своей клятвы Догмат так и не отказался. Несмотря на требования своего отца.

Как относиться к этой новине, Воительница пока не знала: с теперешним ханом она никогда не встречалась, и что он из себя представляет – не ведала. Слишком мало вестей поступало с заречных степей, слишком мало её соотечественников, могли похвастаться, что они бывали в шатре тамошних правителей. Эту ошибку и недоработку, надо было устранять и чем быстрее – тем лучше.

Мысленно составила послание Якову, какие срочные шаги, должна предпринять дальняя разведка дружины. Но, подумав, от отправки ему почтового голубя, отказалась. До её прибытия в Ивель – не больше седмицы и спешка ничего не решит.

Но, как это часто бывает в жизни, события и вести посыпались, как горох из дырявого мешка. На следующее утро, ей доложили, что на Игрецкую пристань, по льду через Ратынь, для встречи с ней прибыло посольство новоявленного хана Догмата. И что они остановились в трактире её старого знакомого – Микрохи.

Без раздумий, Великая Княгиня, решила не заставлять ждать встречи с нею неожиданных гостей. И уже в обед, пятеро всадников на коротконогих лошадях, въехали в ворота подворья в сопровождении Ратищи и пятерых спецов. Ольга, облаченная в боевую снаряженное, встретила их в трапезной стоя у массивного стола, на котором кроме скатерти ничего не было.

Пятеро, из ханского посольства, остановились сразу, как только миновали дверь. Впереди – старый знакомый Великой воительницы: в свое время – неудачливый мститель, покушавшийся на её жизнь, племянник покойного хана – Касан.

За время, которое прошло после единственной их встречи, он сильно изменился. Когда – то они с Романом, в ночь неудавшегося покушения, допрашивали степного мстителя. В памяти остался молодой нукер, невысокого роста, с горящими ненавистью миндалевидными очами, и покрытым легким пушком, скуластым лицом.

Ныне, перед ней стоял вполне зрелый, молодой мужчина с длинными до плеч черными, блестящими волосами. На тонком, породистом лице, выделялись узкие, тщательно подстриженные усы и бородка. Ольга обратила внимание на блестящий, парчовый стеганный халат с подшитым темным горностаем воротом и оружие в богатых, посеребренных ножнах. Сапоги из синей кожи – щедро усыпаны крупными, серебряными звездами.

Вошедшие, сложив длани лодочкой перед грудью, склонились в глубоком поясном поклоне. Касан, выпрямившись, заговорил на резком, гортанном наречии. У Воительницы что – то щелкнуло в голове, и его язык стал понятен, не хуже родного.

Ольга даже не удивилась. С недавних пор, она заметила за собой такую странность: стоило кому – то заговорить рядом с ней на незнакомом языке, как раздавался щелчок в сознании, и язык глаголавшего, переставал быть чужим:

– Безмерно рад видеть тебя, о Великая Княгиня! Позволь передать тебе искреннее пожелание моего хана: долгих и счастливых лет тебе в личной жизни и успешного правления своим княжеством!

Да будет вечно освещена ярким светом, твоя дорога к совершенству!

Да пусть твои боги, наградят тебя многими сыновьями, которых ты, с улыбкой на своем прекрасном лице, соизволишь подарить своему господину! – Воительница терпеливо выслушивала цветастые, длинные приветствия и пожелания. Толмач, скороговоркой, закатив под лоб очи, без выражения переводил сказанное Касаном в промежутках когда он, на некоторое время, прерывал свою речь.

Наконец она подняла руку вверх, останавливая поток красноречия. Посол уловил жест Великой Княгини и остановил свое длинное приветствие. Следом умолк и толмач. Установилась полная тишина. И как гром с ясного неба, зазвучал уже её голос:

– И я рада приветствовать тебя, славный батыр Касан! И тоже желаю тебе и твоему хану долгих лет жизни, процветания и тучных стад в благословенной степи. – У посла, от удивления отвисла челюсть: Великая Воительница, без всякого акцента, вещала на его родном языке! А она продолжила:

– Не утруждай работой своего толмача. Я думаю, что мы и без его участия пойдем друг – друга! Моя речь будет для тебя понятной!

Должна сказать тебе, Касан, что я вельми удивлена тем, как ты преуспел в составлении, сладких для собеседника, оборотов и предложений вступительного слова. Помнится, раньше, во время нашей встречи, ты такими талантами не блистал! Тогда ты в совершенстве владел более грозным оружием: луком и отравленными стрелами. Хотя надо признать, что в жизни часто случается, что красное слово, иногда, разит врага надежнее, чем отравленная стрела! – Касан, в возмущении, выставил длани вперед:

– Казни меня, Великая Княгиня, если я, в своей речи, по своему скудоумию, допустил оплошность, и дал тебе повод вспомнить такое отвратное слово, как «враги»! Если это произошло, то я заслуживаю самого сурового наказания! Ибо мой хан повелевал довести до тебя совершенно обратное: наши народы, отныне, никакие не враги, а добрые соседи и верные друзья! Если, конечно, ты не против!

Именно с этой целью, он целую луну, готовил посольство для встречи с тобой, несравненная Великая Княгиня! И если я не смог, этого донести до твоего слуха, то моя участь уже предсказуема и плачевна! – Посол не говорил, он – пел! Пел песню долгой, если не вечной, дружбы и взаимного уважения. Даже его ужас, перед наказанием, не выглядел наигранным и фальшивым. Ольга поспешила его успокоить:

– Не кори себя понапрасну, славный Касан! Ты добросовестно выполнил повеление своего хана, и глаголил все правильно. Это я допустила досадную оговорку, употребив слово «враги». Прошу не проявлять суровость и простить меня за это! – Опасаясь, что посол вновь начнет славить её за добросердечность и чуткость – постаралась перевести разговор на другую тему:

– Простите мне, уважаемые послы, что я не сразу выразила вам свое сочувствие, по поводу безвременного ухода великого и мудрого хана Турана в заоблачные миры. Пусть ему там, будет лучше, чем здесь!

Передайте его сыну и нынешнему повелителю степей, что он может гордиться своим достойным отцом, который был мудрым ханом и отважным воином. Память о нем, навсегда останется по обе стороны нашей общей реки – Ратыни!

А теперь, если вы не против, давайте на короткое время, перейдем в другую горницу и там продолжим нашу беседу. Затем вернемся сюда, сядем за праздничный стол и отобедаем в честь нашей встречи. Как говорится – что боги послали! После долгого и сытного обеда, на котором были учтены все особенности кухни Секуртов, гости заторопились домой, но перед этим вручили Великой Княгини сундук с подношениями хана Догмата.

Ольга подивилась: по ныне существующим на этом берегу правилам, подарки хозяевам, гости вручали сразу после встречи. У степняков было иначе: перед отъездом!

Все правильно! Каждый живет по своим законами, и судить их – не смей!

12

Вечером, они с отцом обсудили неожиданный визит степняков. Получалось, что секурты, в кои веки пришли к мысли, что с Ивельским княжеством, им выгоднее дружить, чем воевать. По другому толковать посещение их посольства Речных Ворот, в канун начала сезона плавания и торговли – не получалось.

Отдельно обсудили приглашение хана Догмата Великой Княгине: лично посетить его стойбище в удобное для неё время. Тут она была категорична: никаких, пока, поездок! Но посольство, с ответными дарами и предложениями – необходимо. Себе сделала зарубку: по прибытию в столичный город, этот вопрос надобно всесторонне обдумать и незамедлительно готовить к воплощению. Иметь дружелюбного и надежного соседа за рекой, до недавнего времени – мечта несбыточная!

Утром – новая весточка от верного Якова: в Ивель прибыло посольство из Гарды. И возглавляет её, старый знакомый, воевода покойного князя Горазда – Зосим.

Посольство представительное: десять бояр и купцов в нем. Остановились в постоялом дворе, что на центральной площади и поведали, что будут ждать прибытия Великой Княгини.

Ольга поняла: сейчас не время до пиров и отдыха: надо немедленно отправляться в столичный город. Вызвала Ратицу и отдала распоряжение, что завтра, поутру, его сотня спецов, сотня Дороша и посольство Фиадора, возвращаются в Ивель. Готовность к маршу – предрассветные сумерки.

Начались поспешные сборы.

Слухи, они на то и слухи, чтобы распространяться, как лесной пожар в жаркое лето: на утро, вся Игреца знала об отъезде Великой Воительницы, посольства и двух сотен княжеской дружины.

Молодухи горевали: сотник Дорош оказался добрым, любвеобильным и не особо привередливым к внешности оных, жеребцом. Главным критерием отбора кандидаток на сеновал, у него были наличие арбузных персей и пышной, округлой жопы.

Но если говорить серьезно, то скорый отъезд Великой Княгини – был неприятным событием, для подавляющего числа жителей Игрецы. Пока она находилась на Речных Воротах, было как – то спокойнее на душе.

Несмотря на раннее время, провожать отъезжающих, вышло почти все население городища. Стар и млад, построились вдоль обеих сторон дороги, которая вела к воротам ивельского тракта. Но большая часть горожан, предпочла площадку за самими воротами.

Княгиня Ольга выехала за пределы родной Игрецы последней. Миновав толпу, что стояла за воротами, остановила Бутона и покинула седло. Некоторое время, молча, стояла перед своими земляками, прощаясь с ними взглядом. В ближнем ряду заметила своих родных домочадцев с отцом во главе. Тяжело вздохнула и отвесила глубокий, земной поклон. Все горожане стоящие на площадке, в ответ опустили на колени. На этом, прощание Великой Княгини с родным городищем и родом Береговых Ласточек, было окончено. Ольга запрыгнула в седло, помахала землякам рукой и пустила Бутона с места в галоп: нужно было догонять уходящую колону.

Назад более, Великая Княгиня, не обернулась.

Путь от Игрецы до стольного града, занял четыре с половиной дня. По полудню, в пятницу, небольшая колонна Великой Воительницы въехала в главные ворота Ивеля. Об их прибы-

тии, город был не предупрежден, поэтому встречающих не было. Но была середина дня, ярко светило солнце, даря первое весеннее тепло, и народу на улицах хватало. Завидев Городского Голову и Великую Княгиню во главе колонны, горожане кланялись, падали на колени, а затем пристраивались в хвост строя и бежали следом. При подъезде к княжескому подворью, колонна уже насчитывала несколько тысяч человек и продолжала увеличиваться. Шум и гам, создаваемый примкнувшими, выплескивал на улицы все новых и новых желающих поприветствовать вернувшуюся на княжеский престол Ольгу.

Мудрый Фиадор быстро сообразил, что лучшего случая для всенародного вече и искать не надо. Что через малое время, весь народ Ивеля соберется на Главной площади, а это удобный момент для обмена взаимными клятвами и принародного коронования Великой Княгини. Наклонился к Ольге и перекрикивая шум толпы, предложил:

– Княгиня! Предлагаю тебе завернуть на площадь. Мне мнится, что для встречи и разговора с народом – лучшего случая не пожелаешь! Горожане, как праздник желали твоего возвращения, что негоже далее их грузить терпением. – Ольга задумалась и представила, как она выглядит со стороны после долгой дороги:

– В общем – то ничего срамного: надо только сбросить короткий тулупчик и вместо него накинуть меховую безрукавку, что у неё в седельной сумке. А можно её и не надевать. На улице достаточно тепло, опасность замерзнуть – отсутствует напрочь! – Обернулась к Фиадору:

– Полностью с тобой согласна, уважаемый Городской Голова. Только распорядись, чтобы праздник удался на славу! Не обижай народ воздержанием, с нас не убудет. Я думаю, двадцати бочек меду на всех – хватит! – Мудрый Фиадор усмехнулся в усы:

– Не сомневайся, Великая Княгиня! Пока ты с народом толковать будешь, я все приготовлю. А если кому меда не хватит, то я от себя недостачу выкачу. И про дружину не забуду: через малое время будет стоять на площади в полном составе. Все честь по чести органирую: городская казна не оскудеет!

Только под самый вечер, Великая Княгиня смогла войти в свои хоромы. Вече прошло торжественно и шумно. Всё, слава богам, случилось гладко, без задоринки. Обе стороны остались всем довольны!

Ольга вошла в свою светелку и с большим удовольствием сбросила сапоги: ноги слегка подустали. Стянула с головы тяжелую, золотую корону, которую прилюдно и торжественно водрузил на вече Городской Голова в присутствии думских бояр и Верховного Волхва.

Дорожная усталость давала о себе знать. Смотритель княжеского подворья, одинокий, пятидесятилетний боярин Сивко, прослышав о возвращении в город Великой Княгини, подсуетился к её приходу: приказал челяди заполнить дубовую кадку, стоящую в смежном помещении, горячей водой и приготовить хорошую вечерю.

Про еду, Ольга пока не вспоминала, а вот вода в кадке, была как нельзя кстати. Забравшись в неё, сразу окунулась с головой и задержалась в теплом облаке на самом дне: дышать под водой – она пока не разучилась.

У сходней, на полочке, стояла большая миска с мельчайшей березовой золой, щедро сдобренной пахучими луговыми и лесными травами. Ольга с удовольствием натерла ей все тело и некоторое время, в таком виде, сидела на лавке, давая коже пропитаться дивным запахом цветов.

Закончив омовение, облекла голое тело в бархатную, до этого ни разу не одеванную, жемчужного цвета поневу. Расчесала влажные волосы серебряным гребнем и взглянула в бронзовое зеркало. Увиденное в нем – ей пришлось по душе. Чего там говорить: писаная красавица! Вот теперь можно следовать в трапезную, где её уже должны дожидаться приглашенные на вечерю гости.

Застолье, с близкими для Великой Княгини людьми, прошло чинно, без громких разговоров о деле, соленых шуток и молодецкого смеха. На лицах тех, кто прибыл в стольный город вместе с нею, явно читалась усталость и желание быстрее оказаться под родным кровом. Те, кто все это время оставались в Ивеле – их понимали и не обижались: им было хорошо знакомо это настроение.

Когда гости собирались уже покинуть трапезную, Ольга кивнула Якову, чтобы тот задержался. Оставшись одни, она вопросительно уперла взгляд на своего калеченого помощника в тайных делах:

– Ну, что, голубь ясный, доложи мне, о чем ты меня пугал в своем письме, и что твои разведчики надыбали интересного? – Яков напрягся и на короткое время задумался:

– Великая Княгиня! За верность того, что тебе доложу, я свою голову закладываю по времени. Они у меня не из первых рук и даже не из вторых. Но замалчивать их – у меня права нет!

Выслушай меня, а уж потом сама решай. Стоит ли нам беспокоиться после поступивших новин, или жить, как жили раньше, отмахнувшись от них, как от надоедливого комара.

Но все по порядку. Еще до твоего отъезда, меня свербил надоедливый мысль: ну не можем мы жить в радости и неге. Должна к нам какая ни будь пакость подкрадываться, а мы о ней – ни сном, ни духом. Такой я уж уродился, что добрых подарков от жизни ожидать, вовсе не приучен.

Седмицы через две, а это было уже через день после твоего отъезда, мне пришла мысль, что мы ничего не ведаем о том, как живут наши соседи – степняки. Чем они там занимаются, после бесславного похода на Речные Ворота? Какие планы вынашивают, не помышляют – ли о мести за свое поражение? Хан там поменялся? – Поменялся! Прошлый был нами ученый? – Ученый! А новый что? Может и его, в скором времени, учить надобно будет! Полная неизвестность!

Тебя нет, и я принял самовольное решение: послать ушлых хлопцев за речку, в свободный поиск. Подобрал нужных, которые хоть малость секуртский язык разумеют и которые балаганным искусством владеют. Обрядил: которых странниками, которых – торгашами. Которых – теми, кому дома не сидится.

Набралось таких, аж семь человек. Ушли они в степи, а уже через седмицу, стали поступать оттуда невеселые весточки, одна другой тревожнее. Шли они с разных концов степных просторов, а суть их была едина: ждать вскоре славянским народам большой беды!

Объявились на землях секуртов, пришедшие откуда – то с восхода, никому доселе неизвестные племена внешнею и языком схожие с ними и поклоняющиеся тем же богом, что и наши соседи.

Народ этот темен, жесток и воинскому делу зело обучен. Седмицу способный не покидать седло, на раны внимания не обращать и собственную смерть считать благом.

Народу этого, тьма – тьмушья. Идут широкой волной, как степной пожар. С собой в кибитках везут стариков, жен, и детей. Гонят домашний скот и косяки лошадей. По степи движутся медленно, с частыми остановками, секуртам бед не причиняя. Наоборот! Быстро находят с ними общий язык, по – братски делятся нажитым и отдают своих дочерей в жены степнякам. А они у них стройны, лицом красны и в любовных утехах зело горазды. У секуртов они большим спросом пользуются!

Степняки, своими женщинами пробовали отдариться, но у пришельцев, местные красавицы не в почете, и они от них вежливо отказываются.

И как – то незаметно стало выходить, что степные племена стали под пришлых штабелями укладываться. Обычай, уклад их жизни на себя принимать и семьями родниться.

Я же тебе глагодал, что двигались они медленно и только в теплое время: когда земля от морозов освобождалась и для скота и лошадей обильную пищу давала. На зиму поход при-

останавливали, выбирали удобное, защищенное от ветров место, собирались воедино и ставили утепленные шатры. Так всю зиму под снегом в шатрах и коротали.

А как только Ярила о своем весеннем праве заявлял, вновь рассыпались по степи и трогались на заход. А степь, ты сама ведаешь – бескрайняя, вот и понадобилась им почти пять зим, чтобы достичь земель, ныне покойного, хана Турана.

А последнюю, студеную пору, они пережили аккурат в двух днях пути от нашей пограничной реки, матушки Ратыни.

Хан Туран, тогда еще здоровый и всесильный, дважды посылал к ним посольство, предлагая присоединиться к его стойбищу и пережить зиму вместе, но оба раза получил решительный отказ. А перед самой весной, седмицы три назад, когда с ханом уже случилась беда на охоте, и его место занял старший сын Догмат, пришельцы сами объявились в ханском шатре.

Богатые подношения гостей и две восточные красавицы, подаренные Догмату, конечно, привели того в приятное расположение духа. Хмельного кумыса, от черных кобылиц, было выпито огромное количество, а сколько было освежено молодых барашков – никто не считал!

Братский пир продолжался три дня и три ночи. На четвертый день, услышав предложение гостей, молодой хан мгновенно протрезвел. Предлагали они ему, не много – нимало, а присоединиться его народу, к их орде. Так называли восточные пришельцы свое войско. И вместе с ними идти за пограничную реку и на вечные времена завоевать тамошние земли. Еще, изумленному хану, поведали, что к их походу, уже присоединились полтора десятка народов через чьи земли лежал путь пришельцев.

Пополнение орды воинами, за счет новых народов, назначен на середину лета и негде – ни будь, а на землях ханства секуртов.

Волнение, охватившее Догмата было так велико, что он даже не заметил, как ему зараз удалось выпить целый кувшин крепкого кумыса и не захмелеть от такой чаши. Когда к нему вернулся дар речи, попросил у гостей две луны для раздумий и для встречи со всеми старейшинами родов, проживающих в его ханстве. Посольство его просьбу уважило и осталось у него в гостях, ждать его решения. Недовольства сей задержкой – никак не выразили.

Что еще? Головой кочевого народа является Хан всех Ханов – Кадыр: человек зело нетерпимый и лютый, возраста преклонного: ему уже за сорок зим кануло!

Выходец он из старинного ханского рода, девять поколений которого были просто ханами, титула Хан всех Ханов – удосужился только он.

Никаких родственных уз – не признает. В свою свиту берет только соплеменников, которые проявили себя в битвах. Казнить может любого, кто его главенство может поставить под сомнение.

13

Молчание, воцарившееся в трапезной, было долгим и давило на уши, как это бывает под водой на большой глубине. Оглушенная неожиданной вестью, Великая Княгиня, смотрела прямо перед собой и ничего не видела. В голове, мухой, билась только одна мысль:

– Как же я была права, когда из многих дружинников, выбрала на новую должность – начальника специальной службы, тогда малоизвестного беглеца из Гарды, калеченого Романа. Но осознание своей прозорливости, радости не приносило. Плита, надвигающейся новой беды – плотно легла на плечи и давила на позвоночник. Будущее теперь казалось не просто серым, а густо черным и беспросветным:

– Откуда же они пришли? Где их родина? – Яков пожал плечами:

– Вот этого, я поведать тебе не могу. Никто из моих разведчиков, самолично с пришельцами не глаголал. Все сведения – только от секуртов, которые присутствовали на том застолье. И они вызывают массу вопросов. Такое у меня впечатление, что пир у них тогда был особенный, как бы это сказать – со сном наяву.

Здесь они, ранним утром, пьют кумыс и едят барашку, а следом – провал в памяти. А потом они продолжают пить и есть, но за стенками шатра – уже вечер. Или ночь. А в промежутке между утром и вечером – сплошная темнота.

И мнится мне, что виной всему этому – кумыс от черных кобылиц, который, в большем количестве, с собой привезло посольство. Точно так же считают некоторые знатные секурты, которые принимали участие в том пире.

Но кое – что они показывают одинаково: прородина пришельцев – где – то очень далеко на восходе. В долинах, зажатых горами, что выше облаков. По пути к нам, им пришлось три луны идти по земле, где кроме камня и песка ничего не было. Выжили они только благодаря тому, что умели находить источники воды при помощи каких – то прутиков, а весь тяжелый скарб везли на горбатых чудовищах, которых они оставили там, где начались плодородные степи.

При тех чудовищ рассказывают удивительные вещи: Они ростом – повыше наших лошадей и совсем не нуждаются ни в воде, ни в пище. Могут целую луну обходиться колючим кустарником, который иногда попадает на их пути.

Лошадей своих, берегли, как зеницу ока. Тяжестью не загружали и водой делились с ними, наравне с людьми. По братски: пополам! Тем и смогли, с малыми конными потерями, достичь благодатных степей. После такого перехода, в кибитках стало много свободнее: много стариков и детей переселились за облака, но косяки лошадей они сохранили почти полностью! Лошадь для них – священное животное и его жизнь, дороже жизни человеческой. – Яков на мгновение замолчал:

– Большого я тебе, Великая Княгиня, доложить не могу, потому что большего не знаю. Может, когда вернутся мои разведчики, откроются новые сведения, но пока их нет, и мой доклад сух и неполон.

Ольга встала, и сразу за ней поднялся Яков. Он был почти одного роста с Воительницей: всего лишь на пол – головы выше. Она подошла вплотную, бросила руки на его плечи и неожиданно для себя самой, благодарно поцеловала его в губы.

Гром одновременно с молнией! Персты Воительницы вцепились в его густую шевелюру, и она всем телом прижалась к своему главному начальнику над спецами. И сразу почувствовала ответное его возбуждение. Стосковавшееся по мужской ласке тело, кричало, вопило и взывало об ответной страсти.

В СИЛУ ВСТУПИЛ, ЕГО ВЕЛИЧИСТВО, ВЕЧНЫЙ ЗАКОН ЖИЗНИ. Женщина не может долго жить без мужчины. Они – основа бытия и две половинки, при соединении которых, может существовать сама ЖИЗНЬ. Разум в этом, участия принимать не может!

Понева, змеиной шкуркой, скользнула на пол. Шуйца Якова, голодными перстами – пиявками, металась от груди к лону и обратно. Губы пили друг – друга, языки бились за первенство. Бедра Ольги дрожали крупной дрожью, ходили ходуном, искали своего пристанища, и оно нашлось на голой лавке возле стола. Когда одеяния лишился Яков – она не заметила. Лишь отрешенно подумала, что статью он ничуть не уступает князю Роману.

Почувствовав Якова в себе, с женской радостью отметила, что невысокий рост, никак не отразился на других размерах его тела: сдавленно охнула и полетела в пропасть блаженства. Сознание затуманилось, а потом и вовсе исчезло: Яков был нетерпелив и в тоже время осмотрителен: когда у него закрывались очи и на шее вздувались голубые вены – он замирал, но скоро возрождался, её желая.

Сколько раз она умирала от восторга и воскресала вновь, чтобы вновь умереть – она не помнила. Очнулась, почувствовав, что Яков слизывает языком, соленые слезы с её щек. И впервые, близко, увидела его очи: синие, безумные, с вкраплением огненных всполохов. По – собачьи преданные и рабские. Этот человек, на веки – вечные, принадлежал только ей!

Ольга выскользнула из объятий Якова и быстро оделась. Тот, сидя на лавке, недоуменно смотрел на её суету, явно ожидая продолжения. Затем встал и шагнул к ней. Но Воительница, протестующее выставила вперед руку:

– Остынь, охолонься, милый друг и выслушай меня очень внимательно. Выслушай и уясни для себя на всю оставшуюся жизнь. – На Ольгу, незнамо откуда, начал накатываться приступ лютой злобы. Лицо пошло пятнами, губы побелели, крылья носа заметно трепетали:

– На веки – вечные запомни, что у нас с тобой – ничего не было! Что на скамейке, под тобой лежала и стонала, никакая не Воительница и Княгиня, а лишь её оболочка, её тело! Это был, всего лишь миг слабости, и минута расслабляющего безумства. Произошло то, что в жизни прозывается – победой сладострастия над разумом. И ничего более!

Слишком долго мое тело не ведало мужской тяжести. Как в засушливое лето – сухим и безжизненным было мое лоно. Земля ждет дождя. Я ждала – мужчину. И так судьба сложилась, что им оказался ты. Поверь: это не твоя заслуга – это моя прихоть, это моя слабость.

Чуть – ли не каждую ночь, я засыпала и просыпалась с мечтой о мимолетных любовных утехах, но ничего подобного со мной не происходило.

И вот это, наконец, случилось! Я вновь ощутила себя женщиной, за что благодарна тебе, но на этом все закончилось! Вот это ты и должен уяснить. И это же – запомнить на всю оставшуюся жизнь!

Если я вдруг засомневаюсь в том, что мне сегодняшнее безумство на самом деле не приснилось, а произошло на самом деле – я обязательно тебе скажу: – Я все вспомнила!

Ты же такого права и такой возможности не имеешь, и иметь никогда не будешь. Я так тебе повелеваю! – Ольга смотрела прямо в очи Якову и словами, как гвоздями, вбивала ему в голову, свои убеждения о том что случилось. Верный помощник, не смел, прервать её речь и даже, не был в состоянии отвести в сторону очи. Лишь несколько раз позволил себе в ответ кивнуть головой.

Закончив глаголать, Княгиня легонько ткнула тыльной стороной длани, его в чело:

– А теперь иди восвояси, и хорошо помни мною сказанное. И не сомневайся: мне, вернее моему телу, было очень хорошо с тобой! – Выпроводив Якова, чуть – ли не бегом покинула трапезную, заскочив в свою светелку, быстро разделась, нырнула под меховой полог постели, и через мгновение, спала сладким сном младенца.

Великая Воительница, после долгого перерыва, вновь почувствовала себя женщиной! Никаких угрызений совести, никаких душевных терзаний по поводу недавнего поступка, она не испытывала.

Просто – это была жизнь. И природа брала свое.

Утром, коря себя за невнимательность, вспомнила, что её уже несколько дней ожидает посольство Гардского княжества, которое возглавляет её старый знакомец – воевода Зосим.

Подивилась тому, что Яков, после её возвращения в стольный город, об этом не напомнил. А она, окунувшись сходу в дела Ивеля, об этом запомнила и заставила посольство, ожидая её приглашения, куковать на постоялом дворе. Эта, короткая память, вызвала у неё глубокую досаду на самую себя. Как она могла так легкомысленно отнестись к очень серьезному делу?

Немедленно кликнула городского голову Фиадора. Ожидая его прибытия, разделалась с легким завтраком, который состоял из двух яиц и кружки теплого, топленого молока с ржаной коврижкой. Объявившейся Городской Голова все понял слету и развил бурную деятельность.

Немедленно отбыли ходоки на постоялый двор, где находилось посольство Гарды. На дружинное подворье отправился посыльной, с повелением для тысяцкого Демира, срочно прибыть в княжеский терем. В поварне забегалистряпухи, выполняя приказ Фиадора, готовить яства для обеденного стола посольства.

Две сотни спецов Ратищи, в праздничном военном одеянии, выстроились на площади перед княжеским подворьем, для торжественной встречи гостей из Гарды.

Отчего им такое уважение и такая помпезность приема, никто не понимал, да особо не интересовался: если есть повеление самой Великой Княгини – значит так и должно быть! Великая Воительница всегда была права!

Если сказать, что посольство было очень представительным – значит, ничего не сказать. Оно насчитывало полтора десятка человек послов и сотню гридей из княжеской дружины.

Послы – один другого знатней и именитей! Тут и почетные бояре из думы и самые богатые купцы стольного города Гарды; Верховный Волхв со смердом и сам Городской Голова; тысяцкий Зосим, с двумя сотниками княжеской дружины; помощник Мирового Судьи и главный Княжеский Казначей. Сюда надо добавить Главного Лесничего Гардского княжества и Главу Женского Общества Божьей Помощи (в Гарде было и такое).

Во время представления участников посольства, Ольга напряженно думала о назначении и целях, такого представительного состава гостей. Глашатаем от посольства, выступал звонко-голосый, с седой бородой, думский боярин со смешным именем – Рыло. Когда он закончил выкрикивать имена, должности и титулы приехавших, Великая Княгиня улыбнулась про себя: она, кажется, догадалась о цели визита, столь уважаемых граждан Гарды, и она её, если быть честной перед собой, нисколько не удивила.

Мелькнула мысль, что если её догадки верны, то она поднимется в собственных очках. Отсутствие удивления говорит о том, что корона княжества на голове, сильно отличает Ольгу вчерашнюю, от Ольги нынешней.

Со скамьи поднялся воевода Зосим, единственный человек из посольства, которого Воительница знала лично, по освободительному походу за князем Романом. По всему было ясно, что именно за это ему посольство поручило провозгласить цель их прибытия в Ивельское княжество.

Воевода чинно снял песцовую шапку, откашлялся и громким голосом, как будто говорит с тысячным войском на площади, начал:

– Матушка Великая Княгиня Ивельская! Прошу твоего позволения, от имени посольства, соседнего с твоей вотчиной, княжества Гардского, сказать речь, от которой зависит судьба моего народа!

Лицо тысяцкого покраснело от напряжения и на висках выступили крупные капли пота. Ольга подняла вверх руку, прерывая вступительную речь Зосима в самом зачатке. В её очах плескалось веселье:

– Славный воин, воевода Зосим! Разреши мне прийти тебе на помощь и освободить тебя от непривычного занятия. Не твой это конек, заниматься словосложением. Тебе куда привычней отдавать команды, сжимая в длани булатный меч. Или вести спрос с взятого в полон важного врага.

Тем более, я понимаю, о чем ты хотел глаголать. Догадаться об том, для меня трудностей не составило! – Чины посольства, недоуменно переглянулись между собой: цель своего визита они держали в строжайшей тайне. Ольга встала, поправила боевой пояс, медленно обвела взглядом гостей, стараясь заглянуть каждому в очи, и обычным голосом продолжила:

– Я согласна с вашим предложением! – Челюсти у посольских поползли вниз.

В трапезной повисла мертвая тишина. Но продержалась она недолго: Ольга так резко тряхнула головой, что чуть не сбросила с головы золотую корону и торжественно повторила:

– Я, Великая Княгиня Ивельская, согласно взять народы Гардского княжества, на веки – вечные под свою руку! – Челюсти у посольских, были в таком положении, что ниже отвиснуть – уже не могли.

14

Теперь молчание, висевшее после заявления Великой Княгини, нарушил седобородый боярин Рыло:

– Матушка Княгиня! Пока мы не понимаем, как ты сама, без нашей речи, дошла до истины. Надеемся, что разъяснишь нам темным, как такое могло случиться! Мы это скрывали от всех, никому постороннему не могли поведать наш призыв, тайну за зубами крепко прятали. Но твоя прозорливость, или разведка, все равно её проведали. Но не всю! – Боярин облизал красным языком губы:

– Мы не одни под твое крыло стремимся! Луну назад, в Гарде мы принимали посольство покойного князя Благослава. Они гостили у нас две седмицы, и мы успели с ними все обсудить. Попавшие в беду народы, вельми скоро начинают понимать друг – друга!

У них и у нас одинаковые страсти. Плохие у нас были князья, заветы своих отцов забывшие. Но это были князья, все – таки! Плохо правили – это да! Про племенное родство забывшие и в погоне за выгодой, божеские заповеди отринувшие.

Народ стонал и роптал, но помня, что всякая власть богами дадена – приспособлялся, каждый по – своему, и жил. Когда хорошо, когда похуже, а когда и совсем плохо! Это если неурожай, или какие другие напасти навалятся. Человек такая скотина, что ко всему привыкает!

А вот без властной, княжеской руки, оказалось, жить не может. Не научился!

Пробовали и мы, после смерти князя Горазда, народом нашим управлять, как совесть и разумение подсказывает и скоро поняли, что ничего путного – не выходит. Все идет наперекосяк!

Лопаются там, где отродясь не лопалось. Рвется там, где никогда досель не рвалось. Простое дело, какое ранее в руках спорилось и делалось за седмицу, вдруг теперь стала растягиваться на луну, а то и вовсе стопорилось.

Потребовалось кое – как зиму перезимовать, чтобы понять: не за свой мы гуж взялись. Не получилось у нас нормальную жизнь наладить для своего народа. Не на нашей стороне были боги!

И мы еще раз убедились в известной истине: сначала боги собирают на земле народ, а уж потом дают этому народу согласие на выбор для себя правителя. И никак не наоборот!

В нашем случае, мы про эту истину забыли, и согласия богов дожидаться не стали. Скинули прежнего князя и решили, что править всем народом будет Боярская дума, хотя боги нам свой знак подавали: явили нам Великую Воительницу со своим войском!

Это нам, много позже, растолковал Верховный Волхв: если бы ты не пришла на наши земли, то мы никогда не решились скинуть с княжения, ненавистного Горазда. Это и был для нашего народа сигнал божий, что они согласны на смену князя, но только если его престол займет Великая Воительница.

Мы этого знака богов не узрели и твоего появления – правильно познать не смогли. За что и поплатились: в княжестве начались разброд и мирские трудности. И только благодаря мудрости Верховного Волхва, который постоянно общается с богами, мы, на всенародном вече приняли единственно правильный выбор: челом бить тебе, Великая Княгиня Ивельская, о взятии нас под свою руку, а при согласии – слиться с твоими народами.

А с народом княжества Векшинского, после того, как их князь Благослав бесславно сложил голову в походе на твое княжество, произошла та же история. Не смогли они устроить свою жизнь без властной княжеской руки.

Помучились, помыслили и снарядили к нам посольство за советом. А что мы можем посоветовать, когда сами в дерьме по самую маковку сидим? Пять дён судили – рядили и при-

шли к единому выходу: проситься вместе под твое крыло. Они о жизни в твоих землях, тоже порядком наслышаны. На том и порешили!

Опосля этого, мы тронулись на твои земли, они – к себе домой, за окончательным добром от всего народа. А позавчера, от них голубок к нам сюда прилетел, их согласие подтверждающий. Сообщают, что их посольство, если ты соизволишь принять от них корону, будут стоять у ворот стольного города, через седмицу. Я должен сообщить им о принятом тобой, Великая Княгиня, решении, тем же голубком.

Воительница долго не задумывалась. В уме поблагодарив богов, за их бесценный ей подарок, твердым голосом молвила:

– Боги на нашей стороне и это меня вельми радует! Прибыток в семье, всегда приветствуется, поскольку позволяет праздники проводить веселее, а беду встречать большим числом животов. Так всегда было по жизни!

Но мои дорогие соседи! Я не смею, не упредить вас, что времена, для моего княжества, наступают тяжелые и кровавые. Огромная, черная сила собирается в степях за речкой, замыслив захватить наши земли. Извести под корень наши народы. Уничтожить, вместе с нами и нашу веру.

Такого нашествия, наши вотчины, досель не знали. Испытание для нас выпало великое, ранее неведомое! Народы наши им не нужны, даже для рабского труда. Свои племена у них многочисленны людом и детьми малыми.

Им нужны только наши земли! Пощады нам от них – ожидать не приходится. Значит, нам придется сражаться за наш народ, за наше отечество, за нашу веру. Говоря «нам», я разумею не только Ивельское княжество, но и все государства, которым боги определили проживание, на этом берегу Матушки Ратыни.

Думается мне..... нет, я уверена, что если они захватят мои земли, то на том не остановятся. Слишком многочислен их народ и места им будет надо много! Соседние княжества, постигнет участь моего, хотя я не совсем уверена, что они начнут захват именно с Ивеля. Совсем мало знаем мы об их планах!

Поэтому, как мне кажется, есть вам резон взять время для раздумий и еще раз посоветоваться со своими народами. Донести до них мои слова, об открывшейся угрозе нападения со стороны степи. Ведь, если я возьму вас под свою руку, то в случае нападения на Ивельское княжество, вам придется вместе с нами ратиться против захватчиков. Не на живот, а на смерть! Или может, вы тоже наслышаны, о нависшей над левобережьем опасности? – Ольга умолкла, и вновь повисла вязкая, густая тишина. Но продолжалась она недолго. С места поднялся воевода Зосим:

– Не зачти за лесть мои слова, но я должен их молвить: разумна и прозорлива ты, Великая Княгиня не по годам. Знаем мы о грозящей нашим землям напасти. Сороки с длинными хвостами и у нас водятся, а значит новины и слухи к нам тоже приносят. Да и доносы от наших слухачей в степях, поступают по мере их накопления.

Поверь мне Великая Княгиня, не лукавили мы, а просто не все глаголали! Не только из – за разброда и мирских трудностей, мы тебе под руку просимся. Еще и питаем надежду, защиту от диких кочевников у тебя получить. Сами – то мы не сдюжим! Истребят под корень нас свирепые супостаты, без твоей защиты. – Поднялся со своего места и стал рядом с воеводой, Верховный Волхв:

– Великая Княгиня, внемли мне – ничтожному отростку рода человеческого, которому дадено счастье общения с богами.

Было мне видение от наших богов! Только ты, если возглавишь ополчение, способна разбить эту дикую орду и спасти от лютой смерти наши народы. Боги обещали оказать тебе – всяческую поддержку и благодать!

Ради спасения отроков малых, стариков, старух дряхлых и всех остальных людей, кто живет на наших землях – объедини славян, нашим богам молящихся, и стань на защиту нашей Матушки Родины! Недаром тебя в народе кличут – Великая Воительница! – Верховный Волхв закатил под лоб очи и затрясся крупной дрожью так, что деревянный посох в его руке, заходил ходуном. Губы старика продолжали шевелиться, он что – то пел, но слов разобрать было невозможно. Вид его был торжественен и страшен.

Ольга поднялась со своего трона, сняла с головы корону и резко тряхнула гривой волос:
– Боярин Рыло! Отсылай голубя в стольный город Векшу, а сами отправляйтесь с вестью к себе домой. Передайте всем: я – согласна!

С одобрения наших богов, отныне и на веки: нет больше удельных княжеств Гардского и Векшинского! Есть единое – Великое Княжество Ивельское! А я – ваша Княгиня!

Поведайте всем: я готова, в любой миг, отдать жизнь за наш народ, но и от него буду требовать того же. Это необходимо для защиты нашего Отечества!

Присутствующие, все до единого, опустили на колени и, в знак почтения, низко склонили головы: **ВОЛЯ БОГОВ БЫЛА ИСПОЛНЕНА!**

15

– На другой день, отправив почтового голубя в Векшу и получив подробный и строгий наказ от Воительницы, что необходимо сделать в ближайшее время, посольство убыло в Гарду.

Понимая, что времени в обрез, Великая Княгиня призвала в княжеский терем своих верных спецов: Ратищу и Якова. После той ночи, когда в Ольге сладострастие победило разум, она Якова не зрела, поэтому ждала встречи с ним с некоторым напряжением.

Но волновалась она зря: тот вел себя так, будто между ними ничего не было. Это произвело на неё хорошее впечатление, и она еще больше заужала своего верного спеца.

После приветственных поклонов прибывших, усадила их на скамейку, близкую к трону. Оба были серьезны и внимательны: молча, ждали распоряжений Великой Княгини. Она не стала вести пустые разговоры и сразу перешла к делу:

– Прошу меня слушать внимательно и пока вопросов не задавать, даже если они у вас возникнут: отвечу потом.

Ратища! – Бывший сотник вскопчил. Ольга не перечила: – С этого времени, все спецы, до единого, переходят в твоё подчинение. За их подготовку передо мной – отвечаешь только ты. Лично! Вместе с воеводой Демиром, отбери в дружине самых лучших воинов и доведи свой отряд до пяти сотен. Демир, препятствий чинить не будет: я ему дам необходимые указания.

Занятия – по тому же порядку, что я утвердила ранее. Особое внимание на кулачный бой и бой ногами. Помни, мы не учим их драться. Мы учим их убивать!

Учить метанию всего чем можно поразить врага. Подойдет даже поварешка или гребешок!

Учеба – в течение всего светлого времени, а два раза в седмицу – всего темного. В эти дни будете отдыхать днем.

Питание – как во время боевого похода: с обязательным сбитнем перед трапезой и по более осетровой или белужьей икры: она быстро восстанавливает силы.

Через купчиху Верею, закажи для всех спецов новую одежду из плотной, вошеной ткани. Её расцветка должна сливаться с лесом и полем в летнее и осеннее время, делая воинов невидимыми. Объяснишь толково купчихе – она все поймет и сделает все, как надо.

Жалование спецам – увеличить втрое от дружинников, но в противовес потребовать железное подчинение и мгновенное выполнение любых команд без чесания затылков и зевоты.

Десятки – разбить на двойки, где один из спецов – *ведущий* и ответственный за выполнение задания: с него весь спрос. Десятниками назначать не самых ушлых и ловких, а самых думающих и бережливых к своим воинами, и платить им – в половину больше, от простых. Ведущим – на треть.

За лень и не прилежание к службе, после одной заметки, отправлять назад в дружину и только на рядовую должность. За разговоры и медлительность – сразу.

Особо отличных в учебе, отмечать наградной деньгой и повышением по рангу. Таким разрешать ночевать в семье, если таковая имеется. Но не более трех раз в седмицу. Ночные занятия, пропускать – не могли!

Каждодневно вбивать в головы понятия воинского братства, чувства локтя и ответственности за боевого товарища. Оставление в беде боевого побратима, будем причислить к самому страшному преступлению. – Ратища, стоя, с горящими очами, внимал речи своей живой Богини.

Ольга с облегчением выдохнула, выпила пол – кружки холодного кваса и вопросительно устремила очи на бывшего сотника, а отныне – старшину спецов. Тот расправил широченные плечи и рявкнул:

– Все понятно! Вопросов пока не имею. Появятся – явлюсь за ответами! – Воительница кивнула, усаживая старшину на скамью:

– Ну а теперь, что касается тебя, Яков. Твоя задача будет посложнее, чем у твоего товарища Ратищи. А именно – разведка и противоразведка.

То есть, мы должны знать все, что творится в круге не менее тысячи верст, в центре которого, стоит наш стольный град Ивель. И не только держать на контроле места, где собирается враг, но и его замыслы, задолго до этих сборов.

Другая напасть, которой тебе придется заняться – ловля лазутчиков, которые подбираются к нашим секретам. Один такой, которого мы не откроем, может принести нам урон, более многотысячного войска на поле брани!

Отсюда твои полномочия: тебе подчиняются все воинские дружины и все судебные службы, которые есть на землях княжества в новых его межах.

В Ивеле, тебе нужно создать ватагу из знающих людей. В первую очередь, нам необходимо собрать любые сведения о соседних землях и землях прилегающим к ним. И все это нанести на бересту. Остановлюсь на этом подробнее: надо искать людей, которые не сидят в Ивеле, а по своим надобностям проложили тропы и дороги в другие княжества, дальние и не очень. В другие земли и к другим народам. Ходят по разным рекам, пристают к неведомым нам пристаням, заплывают в незнакомые моря и озера. Едут по наезженным трактам, посещают чужие поселения, городища и города.

И все это они делают с открытыми глазами, а увиденное – откладывается у них в памяти. Вот с такими людьми – непоседами, нам и нужно работать. Вдумчиво, не спеша и с благодарностью. Особое внимание – иноземным купцам и мореходам.

Мне видится это дело так: у моего управляющего, старого бобыля боярина Сивко, который постоянно проживает в княжеском тереме, есть свое справное подворье, недалеко от главной пристани. Долгие годы оно пустует и не приходит в запустение только благодаря тому, что каждую луну боярин развязывает свою мощну и выкладывает приличную деньгу на её содержание. Она для него – как лукошко без ручки: и носить не вмоготу, и бросить жалко.

Мнится мне, что я смогу сторговать его подворье для служебных нужд княжества. Если так случится, то оно перейдет к тебе, Яков, но отнюдь не для личного жилья, а для дел, которые мы замысливаем.

Ты, скоро, подбираешь строительную ватагу и перестраиваешь подворье, с учетом своих нужд – под постоянный двор для иноземных купцов и земных скитальцев. Сделаем его самым большим и самым удобным в стольном граде. С отличной кухней и ласковыми ценами. Подберем лучшую и умную обслугу.

Для тебя и для твоих людей, которые будут там работать, выстроим пристройку и врежем её прямо в стену терема. Подворье там большое, места хватит, еще и останется. Все затраты – с княжеской казны и без ограничений.

Каждый, кто будет жить или столоваться в этом постоялом дворе, должны быть ненавязчиво и неспешно опрошены на предмет составления и написания местности, которую они хорошо знают и где бывали лично.

И не только! Чем больше будет говорить заезжий купец или скиталец, тем лучше для твоей службы. Наиболее сговорчивых и алчных – превращать в наши очи, уши и руки, в тех местах, где они проживают или трудятся. Злата для этого не жалеть! Незнание новин и замыслов в чужих землях, всегда обходится дороже!

Согласных работать на нас – одаривать деньгой и вручать почтовых голубей для связи. Для этого на подворье, построить емкую голубятню с постоянным за ней присмотром.

Тут еще много тонкостей, которые мы с тобой будем обсуждать и решать ежедневно, в начале дня, в установленное мной время.

Теперь второе: у Мирового судьи Архипа, заберешь его дознавателя Соколика. Он специалист в сыске вельми опытный и тебе на этом поприще пригоден будет. Вопрос с Архипом, чтобы зело не артачился уходу дознавателя, я решу. Соколику, дашь время и монет для сбора команды ловких соглядатаев, но набирать её – только из горожан. Из свиты Мирового судьи, никого не сманивать. Ему такие люди тоже потребны.

Сколько ему надобно для работы, пусть столько и набирает. Не перечь: ему виднее! Главное, чтобы он высветил каждого чужеземца, который ступил ногой в наш город: зачем к нам явился, на какое время, чем интересуется. Одним словом – пусть среди всех приезжих, ищет лазутчика. Он это делать умеет!

За всеми подозрительными, пускать соглядатая, отслеживать каждый его шаг, каждую встречу с горожанами, каждый его разговор. Если убедитесь, что он не тот, за кого себя выдает – в кандалы и в клеть для предметного спроса.

Но я тебя предупреждаю, Яков: не приведи боги, схватить невинного чужеземца! Такое я буду считать тяжким проступком, а виновный в том, пойдет или на вечную каторгу или на плаху. Другого наказания за такой проступок, мной не предусмотрено! Передашь мои слова Соколику.

И последнее: с завтрашнего дня, в княжестве начинает работу новая служба, которая подчиняется только мне. И возглавишь её – ты, Яков. В воинских делах и в делах безопасности Ивельского княжества – ты второе лицо после Великой Княгини. Твое повеление – мое повеление. Ты – мозг и организатор. Ратища – твоя десница! Указ о том, что я глаголала, будет готов завтра и будет доведен глашатаями до всего народа в течение седмицы.

И упаси вас боги, посеять раздор между вами, мои дорогие побратимы. Вы – моя опора! И еще: каждое утро, если я не отменю самолично, вы оба прибываете ко мне на завтрак, во время которого, я буду выслушивать ваши доклады. Причем постарайтесь перед этим заморить утреннего червячка, чтобы не смотреть голодными глазами на мою трапезу, что может отвлечь ваши мысли от насущных проблем. Первым, всегда докладывает начальник специальной службы.

Если вопросов нет, то ты, Ратища – свободен! – У старшины, на мгновение, очи полыхнули огнем и тут же погасли, но Ольга это заметила.

Ратища закрыл за собой дверь. Яков, как сидел, так и остался сидеть. Очи его, ничего не выражали. Великая Княгиня сразу обратилась к нему:

– Прими Яков, первое задание, будучи в новой должности и в новом ранге. – Яков встал и расправил плечи: – Воительница продолжила:

– Последние дни, мне дает покоя одна мысль. Из головы никак не уходит неясность, связанная с гибелью обозников, на поворотной дуге Ивельского тракта. Как они, опытные охранники, могли до такой степени расслабиться, что не заметили приближения врагов и позволили преспокойно подставить себя под их мечи и стрелы? Редкие стрелы: с черным оперением, таких, я ни у кого не зрела.

И еще: я хочу знать все о том малом обозе. Кому принадлежал, кто его формировал, чем на самом деле был нагружен и конечную точку его пути.

Постарайся с этим странным случаем, разобраться, как можно скоро. Чутье мне подсказывает, что с ним не все так просто. – У Якова не дрогнул ни один мускул на лице, ни разу очи не моргнули:

– Сделаю, Великая Княгиня! – Приложил руку к сердцу, низко поклонился и покинул княжеский терем.

Ольга тут же кликнула охранника, стоящего за дверью, и велела немедля звать к ней Городского голову Фиадора и воеводу Демира. Было необходимо немедленно назначить и отправить посольство к степному хану Догмату. С цветастыми приветствиями, богатыми

дарами и предложениями дружить вечно. Со степью, пришла пора устанавливать и поддерживать добрые отношения.

Опасения от возможного коварства секуртов, охладили душу. Но Воительница понимала, что если поступить по другому, то это будет означать потерю наметившегося потепления их отношений, а вместе с ними и военную удачу.

Даже если она опоздала с посольством, и Догмат всецело стал сторонником орды, все равно она обязана, согласно земным обычаям, ответить на добрый шаг навстречу, вечного, до недавнего времени, врага – соседа.

16

Перун разбушевался. Бог дружины и грома, за зиму изголодавшийся по своим прямым обязанностям, правил свой первый, весенний бал.

Ветвистые, кривые молнии, одна за другой выстреливали из тяжелых черных туч, то слева, то справа, то спереди, то сзади от летящей в тридцати саженях над землей, Воительницы. Порывы могучего ветра, били в живот, подбрасывая её к близкому небу, давили в спину, прижимая к близкой земле напоминая, что воздух не её стихия. Потоки небесной хляби мало походили на ливень: больше на мощный водопад.

Ольга, мокрая как мышь, во весь голос орала несуществующие песни, придуманные ликующим нутром только – что, стараясь перекричать, перепеть сплошные громовые раскаты. Это ей не удавалось. Боженька Перун, был намного задорнее и громогласнее и за его забавами голос одинокой летуньи не был слышен.

Очередной, ветвистый, как рога оленя, разряд молнии, ударил в лес почти перед лицом Воительницы. От громового раската заложило уши и она сама, на короткое время, перестала слышать свою ликующую песню.

Полное отсутствие страха перед бушующей стихией, удивляло саму летунью, но не пугало. Отнюдь! Хотелось, чтобы гроза никогда не заканчивалась, а боженька Перун, проявил большую активность в метании огненных стрел.

Полет в жуткую непогоду не был простой прихотью Ольги: он имел вполне определенную цель. Она решила посмотреть сверху, на свое грандиозное строительство, оценить ход возведения нового торжища.

С момента прибытия её в стольный город, никаких вестей от отца или Слуда не поступало, а находится в полной неизвестности, о производстве работ на землях, которые она выделила Доброгору, было для неё причиной тревоги. А оно ей это надо? Тем более в такое тревожное время!

Гроза кончилась, как будто кто – то более великий, махнул Перуну и он мгновенно оставил лук с гремучими стрелами.

На самом деле стихия продолжала бушевать, но она осталась у неё позади, а перед очами открылась совсем другая картина, которая бывает, когда выныриваешь из глубины: только что ты была окружена водяной темнотой, а через мгновение тебе, с голубого, вымытого небосвода, ласково улыбается ясноокий Ярила. Лепота, да и только!

Внизу, под ней простирался совершенно сухой, ровный как стрела, Ивельский тракт. А впереди, верстах в трех, виднелось огромное поле, на котором копошились муравьи – строители. Подлетев поближе, Ольга заложила крутой поворот, и по пологой линии, начала неспешный набор высоты: хотелось рассмотреть свою стройку с небес.

А она впечатляла! Поле было разделено на квадраты и полностью лишилось травяного дерна. Вместо него землю покрывала деревянная броня. Кое – где, внутри квадратов, были оставлены островки невысоких кустов и елочек, что предавало торговой площади какой – то уютный, праздничный вид.

Вокруг площади, по одну сторону стояли уже построенные, несколько длинных зданий, огороженные ровными заборами. То были постоянные доры и ночлежки. По другую – как грибы из – под земли, выросли мощные, защищенные высоченным тыном, склады и амбары. Именно на них мельтешили муравьи – строители. Ко всем строениям вели узкие, уложенные брусом, тропинки.

В самом центре торжища высилось, сложенное из толстенных бревен, двухъярусное, приземистое здание с широким крыльцом и покатой крышей. Рядом с ним, сотни две детей, копали котлован под рукотворный водоем.

Ольга сразу вспомнила, что наличие запаса воды, на случай пожара, она лично обсуждала со Слудом и отцом. А дети – это не дети. Это представители подземного народа из Земляных гор. Значит Доброгор, поверил в реальность её затеи и выделил некоторое число людей своего племени для ускорения строительства.

Очи уперлись в широкую, укатанную дорогу, которая пересекала тракт и тянулась ровной просекой, вглубь густого леса. Воительница полетела вдоль неё. Вскоре открылась обширная вырубка, на краю которой стояли две свежесрубленные избы, имеющие обширные подворья. Третью, рубили в нынешнее время. Муравьи – строители, много меньшим числом, трудились и здесь.

Ольга удовлетворенно выдохнула: с начальником строительства они с отцом не ошиблись!

Встречаться с дядькой Слудом, не было смысла. Что ей надо, она уже узрела, а вступать в объяснения с начальником строительства, как она объявилась на площадке – воровство времени и его и её. Да и лгать, желания не было.

Одежда, под лучами Ярилы и встречного, теплого ветерка, почти высохла и приятно грела спину. Воительница, ещё раз с высоты полета окинула взглядом строительный муравейник и повернула назад, к стольному городу. Если поспешать и нигде не задерживаться, то к вечеру она будет дома.

Но задержаться пришлось. Когда до стен Ивеля, оставалось не более двадцати верст, она заметила оседланную лошадь, которая одиноко щипала молодую траву рядом с дорогой.

Лошадь под седлом, одна, среди дремучего леса, на безлюдном тракте – такого быть не может по жизни!

Ольга спланировала к земле и мягко опустилась рядом с гнедой животиной. Она вела себя спокойно, только всхрапнула при появлении Воительницы и вновь опустила голову к зеленому лакомству. При приближении к ней она лишь скосила в её сторону очи: было очевидно, что трава для неё представляла большой интерес.

К потертому седлу, с обеих сторон, были пристегнуты две переметные суммы, сшитые из вошеной, грубой материи. Ольга еще раз внимательно осмотрела окрестности, но в пределах видимости, хозяйина гнедой лошади не обнаружила. Спросить разрешения осмотреть седельные сумки, было не у кого. Шепча про себя, что любопытство не порок, а лишь возможность уяснить судьбу седока гнедого, она открыла первую сумку.

Ничего интересного: шмат вяленого сала, краюха черствого хлеба, три луковицы, головка чеснока и баклага с вонючей, застоявшейся водой.

Содержимое второй сумки, было намного интереснее: сверху лежал большой охотничий нож. С широким лезвием и костяной наборной рукоятью, упрятанный в простые, деревянные ножны. Под ним, на дне сумки, обнаружилась провощенная накидка от непогоды и небольшой узелок. Развязав его, Ольга от удивления раскрыла рот: в нем были укрыты две меховых рукавицы. Внутри одной, она нашла с десяток мелких медных монет, а вот содержимое другой, поразило её несказанно. Внутри её она нашла то, что никогда не могло там быть: четыре отвратно пахнущих трубочки, обгоревшие с одного конца.

Точно такие, какие ей когда то принес леший Челак из Лукмышского леса, и точно такую она нашла в меловой пещере возле золотого клада.

Долго, в глубокой растерянности, она взирала на находку. Где, неизвестный хозяин седельной сумки мог найти столь чужеродные в этом мире предметы, напрямую связанные с тайной её появления на этих землях? И почему они его так заинтересовали, что он их тщательно прятал в рукавицу и возил с собой в седельной сумке? Кажется, что ведомству Якова, работы прибавится!

Но это – потом. Сейчас надо самой приложить усилия, для того чтобы сделать первые шаги в столь непонятном деле. Лошадь с седельными сумками – вот она. По какой такой воле, она лакомится молодой травой в двадцати верстах от стольного города? А где хозяин? Надо осмотреться!

Воительница вновь поднялась в воздух и начала нарезать круги вокруг места находки. На втором круге, увидела то, что искала, но совсем не то, что хотела узреть: на маленькой полянке, среди могучих елей, на истоптанном в грязь снегу, лицом вниз, лежал человек в меховой душегрейке.

Ольга опустила рядом. С первого взгляда было понятно, что он – мертв. И причина смерти была ясна. Под левой лопаткой торчала надломленная стрела с черным оперением. Точно такую стрелу она видела на месте расстрела обозников, на поворотной дуге тракта. И не надо быть Соколиком, чтоб сделать вывод: налицо воровство с душегубством!

Подойдя ближе, поняла, что с причиной смерти незнакомца, она поспешила. Судя по великой луже крови, которую забрал в себя снег, бедолаге еще и перерезали горло.

Воительница подошла вплотную, но к телу не притронулась. Покойник был молод: шапка валялась рядом, и в открывшихся темных волосах, не было ни одного седого волоса. Лица видно не было. Оно полностью утопало в кровавой кашнице подтаявшего снега.

Отломила конец стрелы с черным оперением, еще раз обошла тело и резко оттолкнулась ногами от земли. Больше ей на поляне делать было нечего. Разбираться, в случившемся, будут спецы Якова. Трофей, глубоко заткнула под боевой пояс.

Уже в полете, набрав приличную скорость, вспомнила о лошади, но возвращаться не стала: завтра, поутру, её заберут люди Якова. Вместе с седельными сумками.

К вечеру Великая Княгиня не успела. Ранние весенние сумерки оказались расторопнее, и это позволило ей, не боясь быть замеченной, приземлиться возле искусственного пруда на княжеском подворье. В свою светелку пробралась через тайный ход, который начинался в пустом деннике конюшни и заканчивался в смежном помещении её хором. Там где стояла дубовая кадка для омовения. Охрана её возвращения не узрела, да и особо головами не вертела. Еще утром, она предупредила, чтобы её до вечера не беспокоили: у неё сегодня – день отдыха.

Посыльной за Яковым обернулся мгновенно, а следом за ним, через малое время, в светелку ввалился запыхавшийся начальник тайной службы. Выражение его лица было примечательным: на нем одновременно отражались великая надежда и готовность к горькому разочарованию.

Ольга сдержано ответила на низкий поклон вошедшего. И дополнительно отметила про себя, что её помощник по тайным делам, выглядит каким – то усталым и потеряннным. Куда делся задорный блеск в очах и открытая белозубая улыбка, которая не покидала его при всякой с ней встречей? Отчего и когда у него появились глубоки складки, идущие от носа к губам? Почему он постоянно потирает шуйцей калеченую десницу? Раньше, такого за ним не наблюдалось!

Степенно уселась за стол и кивнула Якову, на стоящую сбоку от него скамейку. Тот не заставил себя долго ждать: смахнул на пол бархатную подушку и уселся на голое дерево. У Ольги изогнулась бровь

– Я сегодня решила порадовать себя отдыхом, поэтому утреннюю нашу встречу отменила, вернее, перенесла её на вечер.

Прости, но поступившие недавно новины, потребовали немедленной встречи, и я решила тебя побеспокоить. Время не ждет! – Вытащила из – за пояса обломок стрелы, которую она нашла на тракте и протянула его Якову:

– Вот, что мне доставили. Ты можешь, что – либо сказать по этому поводу?

– Могу! Этой стрелой и еще многими такими же, были посечены обозники на поворотной дуге Ивельского тракта. Стрела приметная необычным цветом оперения. Ладилы её не наши мастера оружейники. Такой способ крепления оперения к самой стрелке – нами не применяется. Наконечники стрел выкованы из железа, руда для которого в наших болотах не добывается.

Некоторые наши кузнецы вешают, что такую руду они зрели на болотах за Караньским хребтом. Так ли это на самом деле – не ведаю!

Из пера какой птицы ладилось оперение, никто толком определить не может. Среди мастеров блуждают неясные разговоры, что птицы с таким пером, вообще не существует на наших и окрестных землях, а само древко стрелы – изготовлено из неизвестного нам дерева. И из дерева – ли?

Посмотри сама: в срезе древка нет сердцевины, какая всегда есть у обычного, деревянного прута, из которого её ладят. Как такой прут мог, питался от дерева, как он мог так расти?

Одним словом – не стрела, а сплошная загадка! Мои люди продолжают ломать над ней головы, но результатов пока нет. – Ольга поощрительно улыбнулась:

– Я рада, что не ошиблась с выбором, когда искала человека на должность руководителя новой, специальной службы. Заданий разобраться со стрелами, собранными на тракте, я тебе точно не давала. Тем не менее, ты сам начал копать землю там, где имелся подозрительный запах!

Единственное уточнение: это стрела – действительно с Ивельского тракта, но она никакого отношения не имеет к расстрелу обозников. – И вкратце поведала где и при каких обстоятельствах найдена последняя стрела, обломок которой, сейчас держал в руках её самый близкий помощник. Яков подобрался, в очах загорелся огонек интереса и азарт погони. Причем то, что это она обнаружила и принесла сюда злополучный обломок – Ольга не сказала, а Яков, мудро, от вопросов воздержался. Княгиня это оценила и продолжила:

Завтра, ни свет, ни заря, пошлешь самых смысленых своих людей, под рукой Соколика, на двадцатую версту тракта от стольного града. Примета для поиска – сожженная молнией сосна по правую сторону от дороги. По левую сторону, они должны увидеть оседланную лошадь, а еще через тридцать саженей, по этой же стороне, труп на малой полянке.

И лошадь, если её найдут, и тело незнакомца, доставить на дружинное подворье, предварительно зорко осмотрев местность вокруг поляны. По поводу душегубства: Соколику, лично, начать дознание и розыск. Результаты, как только появятся, немедленно докладывать мне лично! В переметные сумы, что на лошади – не заглядывать. Их – сразу ко мне!

И еще: в дружине есть такой десятник, по имени Свисток. Гриди, его кличут – Женолюбом. Присмотрись к нему повнимательней и если возьмешь в свою команду – думаю, не ошибешься:

– А он уже у меня в команде! И Яков, в первый раз за встречу, довольно улыбнулся.

17

Не успела закрыться дверь за начальником тайной службы, как ей доложили, что к ней, просится с докладом, Городской Голова. Ольга велела пропустить его.

Фиадор прибыл с внушительным рулоном берестяных свитков под мышкой. Снял соболью шапку, низко поклонился, кажа плешивый затылок:

– Здрава будь, Великая Княгиня, долгих лет жизни тебе желаю!

– И тебе тем же ответствую, уважаемый Фиадор! С чем пожаловал, какие вести принес? Неужели в стольном городе Ивеле, установилось полное благолепие и ты решил меня этим, на сон грядущий порадовать? – Воительница благосклонно улыбнулась старому другу:

– С докладом я к тебе, но по другому поводу! Пришел поведать, что твое повеление выполнено: посольство к степному хану Догмату назначено, подготовлено и хоть завтра может отправляться за Реку. Изволишь выслушать? – Ольга кивнула в знак согласия: – Говори, я внимаю тебе:

– Возглавит посольство думский боярин Баксай. Он вельми опытный в таких делах назначенец! С ним, в свите, поедут думские бояре Тихон, Умномысл и Богута, тоже не новички в этом, непростом деле.

Для ведения торговых бесед, если все будет складываться, как мы замыслили, в посольство я включил опытных и хитрых купцов Серебряка, Колошу и Анисима. Этих, вокруг пальца не обведешь! Они свой интерес зубами выгрызут!

Твой новый помощник, по тайным делам Яков, велел присоединить к посольству еще троих, зрелых по возрасту послов. Один из них – толмач отменный, зовут его – Аслан. Он родом из Караньских отрогов. Для чего двое других – не ведаю, да и ведать мне не положено.

Дары степному хану, я готовил лично, помня твое наставление – скупость засунуть себе в ж... Тут Городской Голова сбился на слове, откашлялся и продолжил:

– В общем, дары богатые. Хану будет любо в сундуки заглянуть! Все подношения уместили в три кибитки, места свободного – только для пяти бочонков меда.

Для охраны посольства, воевода Демир отрядил две сотни дружинников, под рукой сотников Волоса и Дороша. Ехать будут в красном, парадном одеянии.

С учетом запасов для всего посольства, на путь туда и обратно, обоз будет состоять из двенадцати кибиток и двух десятков сменных лошадей на самый непредвиденный случай.

Вот подробный список всех даров, которые я отобрал для Догмата, его жен и близкого родства. – Фиадор протянул свитки бересты, что принес с собой: Если что не так – говори, есть время для того, чтобы исправить и сделать все по – твоему. – Ольга надолго углубилась в изучение списка подношений. Дочитав до конца, еще раз убедилась, что более умного и мудрого хозяина и переговорщика, век не найти. От себя добавила лишь десяток мечей в богатых ножнах из кузни Прокопа и бочонков заморского, черного вина, который давно пылился в подземной кладовой.

На том и порешили: посольство отправляется завтра с рассветом. Фиадор заверил, что все оставшиеся вопросы, он за ночь порешает.

Оставшись одна, Княгиня выпила стакан холодного молока и собралась отойти ко сну. Неожиданно вспомнились очи Якова: к его уходу огонь надежды (а она знала, на что он надеялся) угас, оставив вместо себя чуть тлеющие угольки.

Чего он желал и на что он надеялся – было понятно, но странно: она желала этого не меньше его, а позволить себе утолить естественную женскую жажду, почему – то страшилась.

От таких мыслей, тело загорелось нестерпимым огнем, и этот огонь надо было как можно быстрее погасить, пока она не наделала глупостей. В голове мелькнуло: огонь гасится водой!

Сбросила одежду и нагая, прошла в смежное со светелкой помещение, где стояла кадка, доверху наполненная водой. Холодной! Именно то, что сейчас ей нужно! Ведь холода она не боялась!

По деревянным сходням поднялась до верха бочки, и без брызг ушла с головой к самому дну.

Успокаивая стук сердца там и замерла, свернувшись калачиком и уперев широко раздвинутые ноги в стенки кадки: лоно тоже требовало холода.

Через некоторое время, ей показалось, что с огнем она справилась. Накатывалась истома и захотелось в постель, под меховой полог.

Вынырнула, отбросила волосы с лица и села на край сходней, обняв руками колени и положив на них голову. Недавно казавшийся погасшим огонь оказался зело живучим: он быстро пробудился, вернулся в жилки и вновь побежал по телу. Подумалось: – рано вылезла, надо еще раз нырнуть: – но не успела.

Краем глаза заметила, что поднимается крышка люка, которая закрывала потайной ход от конюшни, до её светелки. Ольга спрыгнула на пол и приняла боевую стойку. Нагота и отсутствие под рукой оружия – её не смущали.

Зазор между крышкой люка полом все увеличивался, и наконец, из потайного хода появилась мужская голова. Воительница ничуть не удивилась тому, что она принадлежит начальнику тайной службы – Якову.

Стоя за люком, она, уже расслабившись, ждала продолжения действия. И ждать долго не пришлось: упруго оттолкнувшись от подпольной лестницы, Яков ловко впрыгнул в помещение.

Люк на место он возвращать не стал: отряхнул колени и на полусогнутых ногах двинулся по направлению к двери, которая вела к её светелке. Ольгу, стоящую возле стены за его спиной, он пока не зрел. Двигался Яков совершенно бесшумно, поэтому вопрос Княгини, не лишенный ехидства, прозвучал для него небесным громом:

– И куда это мы наострились? – Ночной посетитель, от неожиданности, шарахнулся в сторону, а Ольга, ухмыляясь, продолжала:

– Мне кажется, что это совсем не по – мужски! Под покровом ночи, тайно, соблюдая все меры предосторожности зрелый мужчина пробирается в светелку спящей, юной, непорочной девы! Зачем?

А вдруг, она неожиданно проснется и испугается? От этого ведь можно сознание потерять! Заикой на всю жизнь остаться! Не стыдно тебе, всеильный начальник тайной службы? Не грызут ли тебя сомнения в правильности своих поступков?

Не забыл ли ты повеления Великой Княгини? Не холодит ли твою душу страх наказания, за нарушение договоренностей и своих обещаний, которые ты давал мне кивая головой? – Яков стоял столбом, пялился немигающими очами и молчал, силясь собраться с мыслями. Ольга продолжала давить на своего помощника:

– А скажи – ка, любезный, откуда ты узнал о тайном ходе в мою светелку? Ведь эта княжеская тайна за семью печатями и о ней осведомлены люди, которых можно пересчитать на перстах одной руки. И за проникновение в оную – можно поплатиться головой! Ответствуй мне: сколько раз ты пользовался тайным ходом, и с какой целью? – Роман силился что – то сказать, но у него ничего не получалось. Наконец он смог вымолвить первое слово: – Глядеть! – И тут же, натужно закашлялся. Через малое время кашель удалось усмирить. Вытерев рукавом губы он продолжил:

– Глядеть на тебя, великая Княгиня. Через малую щелочку! И всего два раза! Ранее, об этом ходе я не ведал! Случай счастливый свел меня на спросе, с одним беглым каторжником. От него я узнал о наличии тайного хода в княжеский терем. Пять зим назад, он участвовал

в замене настила, что положен на пол в тайном ходе. Старый, к тому времени, почти полностью сгнил.

Все работы тогда вела ватага из каторжников мелового карьера, числом в двадцать душ. За луну они с заданием справились и уже готовились выйти на волю, как им обещал князь Роман. Но тут подоспела срочная работа на острове Змеиный, который ты хорошо знаешь. На острове планировалось возвести башню, на которой будут жечь сигнальные костры для купеческих ладей и стругов, указывая им путь до Ивельской пристани.

Всю ватагу загрузили на огромную долбленку и направили её к острову. Но в первую же ночь, её догнала малая ладья, в которую пересели их охранники, а в долбленку забросили десяток горящих факелов, что вызвала на ней сильный пожар.

Ватажников, которые прыгали от огня за борт в воду, добивали стрелами. Спасся только один: тот который мне поведал о существовании тайного хода.

Роман не сохранил секрет, потому, как не смог полностью уничтожить строительную ватагу. Я же, овладев им, принял все меры, чтобы к нему больше никто не прикоснулся. Ныне, из ватаги строителей, в живых никого не осталось. Тайна подземного хода – умерла вместе с ними.

Ольга, поверх слов Якова, поняла, каким образом он сначала выведал, а потом сохранил княжеский секрет: последний источник разлива тайны, высушил лично он.

Некоторое время оба молчали. Яков, старательно косил очами в сторону, избегая вида обнаженной Великой Княгини. Иногда ему это удавалось. Но только иногда! Не зреть такую красоту, такое совершенство – было выше его человеческих и мужских сил:

– Княгиня, можешь изгнать меня, можешь казнить меня, но запретить боготворить тебя, ты не в силах! Я познал твое тело, я вкусил момент высшего счастья, обладая тобою, и мне не страшно теперь умереть!

Еще раз каюсь: я дважды пользовался потайным ходом, чтобы иметь возможность до самого утра охранять твой сон, и заодно зреть тебя спящей. Поверь мне!

Утром я уходил из этого помещения просветленным и радостным, не испытывая никакой сонной усталости. Готовый на любые подвиги, на любые свершения!

Для меня ты – богиня, для меня ты – колдунья. Для меня – ты вся моя жизнь, до доньшка! А теперь суди меня, как тебе придется: любой твой приговор я приму со светлой радостью! – Щеки Якова залил пунцовый румянец, и он вновь спрятал очи на противоположной стене.

Чего греха таить: слышать такое от справного мужика – было приятно! А какой деве не покажется медом, открытое признание в любви? Воительнице – тоже показалось! И приятно было очень. Но что с этим признанием делать, как поступить, она не знала. Спросила напрямую:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.